

ВЛАД ГЕНДЕЛЕВ

МИНУТА ДО ПОЛУНОЧИ

ИНОГДА ОДНА МИНУТА
РЕШАЕТ ВСЁ

Влад Генделев

Минута до полуночи

<https://litres.ru/74388963>

SelfPub; 2026

Аннотация

Известного врача Антона Белова находят мёртвым в запертой изнутри квартире. Никто не входил, никто не выходил, следов борьбы нет. На столе стоят два стакана — один с отпечатками хозяина, второй совершенно чистый.

Расследование поручают молодому следователю Следственного управления по Москве Климу Фрязину. Очень скоро он понимает: смерть Белова связана с событиями семилетней давности, о которых несколько человек предпочли забыть. Но кто-то заставляет их вспоминать — одного за другим.

Новые исчезновения, странные послания, старая фотография и ложь, пережившая семь лет, ведут Фрязина по следу человека, который словно всегда оказывается на шаг впереди.

Чтобы остановить его, Климу придётся понять главное: иногда преступление начинается не с убийства, а с первого маленького решения промолчать.

И однажды следователю останется всего минута, чтобы наконец успеть раньше убийцы.

Влад Генделев

Минута до полуночи

МИНУТА ДО ПОЛУНОЧИ

ПРОЛОГ

Антон Белов понял, что в квартире кто-то есть, когда услышал, как на кухне звякнул стакан.

Звук был тихим, почти домашним. Такой мог возникнуть от случайного прикосновения к сушилке возле раковины или от того, что плохо поставленный стакан чуть сдвинулся по столешнице.

Белов перестал расстёгивать рубашку и прислушался.

Тишина.

Он стоял посреди спальни, держа пальцами вторую пуговицу сверху, и смотрел в тёмный коридор. Свет там он не включал. Из гостиной падала узкая жёлтая полоса — телевизор работал без звука, мелькали лица ведущих, какие-то графики, рекламные заставки.

— Есть кто-нибудь?

Он произнёс это и сразу почувствовал себя глупо.

Квартира была заперта.

Он сам повернул ключ, войдя минут двадцать назад. Потом, как всегда, проверил замок. Эта привычка появилась у

него после того, как три года назад обокрали соседей этажом ниже.

Белов подошёл к двери спальни.

— Эй!

Никто не ответил.

Он вышел в коридор.

Пятьдесят два года, врач, заведующий отделением, человек, который большую часть жизни объяснял другим, что страх обычно возникает от недостатка информации, сейчас он сам ощутил именно это: неприятное холодное движение под рёбрами.

Не страх пока.

Предупреждение.

На кухне горел свет.

Белов остановился.

Он совершенно точно помнил, что не включал его.

Вернувшись домой, он бросил ключи на тумбу, снял пальто, прошёл в гостиную, включил телевизор, налил себе немного виски и отправился переодеваться.

На кухню он не заходил.

По крайней мере, ему так казалось.

— Прекрасно, Антон Сергеевич, — пробормотал он. — Скоро начнёшь забывать собственное имя.

Он сделал ещё несколько шагов.

Кухня была пуста.

Окно закрыто. Форточка тоже.

На столе стоял стакан.

Белов нахмурился.

Обычный высокий стакан из набора, который ему подарили на Новый год. Шесть штук. Он почти ими не пользовался.

Этот был пуст.

Белов взял его.

Чистый.

Он посмотрел на сушилку возле раковины.

Там стояли ещё пять.

Получалось шесть.

Ничего странного.

Он уже хотел поставить стакан обратно, когда заметил второй.

Тот стоял у противоположного края стола.

Белов медленно перевёл взгляд на него. Тоже пустой. Но теперь стаканов было семь.

Несколько секунд он просто смотрел. Потом подошёл к сушилке и пересчитал.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Он усмехнулся.

Конечно. Пять там, два здесь.

Шесть из набора и один старый. Наверняка старый. Просто похож.

Белов поставил первый стакан на стол.

Телефон лежал в гостиной.

Он вдруг очень ясно вспомнил, что собирался позвонить дочери.

И так же ясно понял, что хочет уйти с кухни.

Он сделал шаг к двери. За спиной снова звякнуло стекло.

Белов замер.

Теперь он не мог объяснить это памятью.

Он не обернулся сразу. Стоял, чувствуя, как сердце делает тяжёлый удар, второй, третий.

Потом медленно повернул голову. Стаканы находились там же. Два.

Ничего больше.

— Чёрт.

Он подошёл к окну и проверил ручку.

Заперто. Девятый этаж. Балкон находился в гостиной, и попасть с него на кухонное окно было невозможно.

Белов вернулся в коридор. Проверил входную дверь. Верхний замок закрыт. Нижний тоже.

Цепочкаброшена.

Вот цепочка заставила его окончательно остановиться.

Он редко пользовался ею. Но сегодня набросил. Помнил совершенно точно.

После этого войти снаружи никто не мог.

Он прошёл по квартире. Гостиная. Пусто.

Кабинет. Пусто.

Ванная. Пусто.

Туалет. Гардеробная. Спальня.

Он даже заглянул под кровать и снова почувствовал себя идиотом.

Никого.

Вернувшись в гостиную, Белов взял телефон.

Было 22:41.

Он открыл список вызовов. Палец остановился над номером дочери.

Звонить ей и рассказывать о лишнем стакане?

Он представил её реакцию.

«Папа, ты сколько выпил?»

Один виски. Даже половину не допил.

Белов посмотрел на бокал возле телевизора. И тут заметил ещё кое-что. Бокал был пуст.

Он помнил, что оставил примерно половину.

Теперь на дне не было ничего.

Белов подошёл ближе. Понюхал. Виски.

Он поднял бокал и посмотрел на свет. Капля стекла по внутренней стенке.

Кто-то выпил его виски. Нет. Так думать было нельзя. Квартира пуста. Значит, выпил сам и забыл.

Он попытался вспомнить.

Вошёл. Снял пальто. Включил телевизор. Налил виски. Сделал глоток. Пошёл переодеваться. Звон стекла. Всё.

Белов сел на диван.

Сердце билось быстрее обычного. Он положил два пальца на запястье. Пульс частый.

Около ста. Нервничает.

Вот и всё.

Он несколько раз глубоко вдохнул.

Как врач он прекрасно знал, насколько убедительными бывают реакции организма на страх. Достаточно дать мозгу неправильное объяснение — и тело охотно поддержит его.

В квартире никого нет. Он проверил.

Белов взял пульт и выключил телевизор. Тишина стала почти физической. И тогда он услышал шаг. Один. Из кухни.

Не скрип. Не холодильник. Не трубы. Именно шаг.

Белов вскочил.

— Кто там?!

Ответа не было.

Он схватил телефон и набрал 112. Палец завис над кнопкой вызова.

Что он скажет?

«У меня в квартире кто-то ходит, хотя я только что её проверил»? И что дальше?

Приедут полицейские. Осмотрят комнаты. Никого не найдут.

Заведующий отделением Белов в пятьдесят два года вызвал полицию из-за стакана.

Он отменил набор. И сразу пожалел. Потому что из кухни донёсся второй шаг.

Белов медленно двинулся по коридору. Теперь ему действительно было страшно.

Не тревожно. Не неудобно. Страшно.

Он включал свет в каждой комнате, хотя свет там уже го-

рел.

На кухне ничего не изменилось. Два стакана на столе. Пять возле раковины.

Белов стоял в дверях.

— Если это какая-то идиотская шутка, она закончилась.

Голос прозвучал неожиданно слабо. Он подошёл к столу. Один стакан стоял ближе к нему.

Второй — напротив. Так сидят двое людей.

Белов вдруг подумал именно об этом. Один здесь. Другой там. Он сел. Не понимая зачем.

Просто сел на стул перед первым стаканом. Напротив оставался пустой стул.

Телефон он положил рядом. 22:48.

Белов посмотрел на экран. Потом на пустое место напротив.

— Хорошо, — сказал он. — Допустим.

Он ждал. Ничего. Прошла минута. Потом ещё одна. Страх начал отпускать. Белов даже усмехнулся. Усталость.

Последние две недели он спал по пять часов. Три сложные операции. Конфликт с администрацией. Вчерашняя смерть пациента.

Организм просто потребовал отдыха.

Он поднялся. И в этот момент телефон завибрировал. Белов вздрогнул так сильно, что ударил коленом о стол.

На экране высветилось:

НЕИЗВЕСТНЫЙ НОМЕР

Он ответил.

— Слушаю.

Тишина.

— Алло?

Ничего.

Белов хотел отключиться. И услышал дыхание. Очень тихое.

— Кто это?

Дыхание продолжалось.

— Вы ошиблись номером.

Он убрал телефон от уха. И тогда из динамика прозвучал голос. Спокойный. Мужской.

— Не пейте из второго стакана, Антон Сергеевич.

Белов перестал дышать. Он медленно посмотрел на стаканы.

— Кто вы?

Связь оборвалась. Белов сразу перезвонил. «Номер не существует».

Он попробовал ещё раз. То же самое.

Теперь уже не было ни сомнений, ни попыток найти разумное объяснение.

Кто-то знал, что происходит в квартире. Кто-то видел его.

Белов резко поднялся и пошёл к входной двери. Снял цепочку. Повернул нижний замок. Потом верхний. Дёрнул ручку. Дверь не открылась. Он дёрнул сильнее. Ничего.

— Что за...

Повернул ключ обратно. Снова. Механизм работал. Щёлкал. Но дверь не открывалась.

Белов навалился плечом. Бесполезно.

Телефон. Нужно звонить. Теперь плевать, что подумают. Он набрал 112.

На экране появилась надпись: НЕТ СЕТИ

Белов посмотрел на значок связи. Пусто. Wi-Fi тоже исчез.

Он бросился к окну гостиной. Город был перед ним. Огни домов. Машины. Люди. Совершенно обычный вечер.

Он открыл окно. Холодный воздух ударил в лицо.

— Помогите!

Девятый этаж проглотил голос. На противоположной стороне двора светились десятки окон.

Никто не посмотрел.

Белов достал телефон, включил фонарь и несколько раз посветил вниз. Никакой реакции.

Он закрыл окно. И слышал звон стекла. На кухне. На этот раз громче.

Белов не хотел туда идти.

Каждая разумная часть сознания говорила ему оставаться возле окна, кричать, бросить что-нибудь вниз, разбить стекло, привлечь внимание. Но он пошёл.

Потому что человек всегда хочет увидеть источник собственного страха.

Два стакана стояли на столе. Теперь в одном была вода.

Белов остановился в дверях. Он точно знал: минуту назад оба были пусты.

Вода доходила почти до половины.

— Нет.

Он отступил.

— Нет, нет...

Сердце ударило тяжело. Белов схватился за грудь. Боль не появилась. Только странное ощущение перебоя.

Удар. Пауза. Ещё удар. Слишком сильный. Потом несколько быстрых.

Он автоматически приложил пальцы к шее. Пульс сбивался.

— Только этого не хватало.

Он попытался глубоко вдохнуть. Воздуха оказалось мало. Белов сделал ещё один вдох.

Снова мало.

Он прекрасно понимал симптомы. И от этого становилось страшнее.

Нужно успокоиться. Сесть. Дышать.

Он опустился на стул. Перед глазами слегка поплыло. На телефоне было 22:53.

Экран мигнул. Появилось сообщение. Без номера. Всего одна строка:

«ВЫ ВСПОМНИЛИ?»

Белов смотрел на слова. Сердце продолжало сбиваться. Он набрал ответ: «КТО ВЫ?»

Сообщение не отправилось. «Нет сети».

Но чужое сообщение пришло. Белов поднял голову. Пустой стул напротив. Стакан с водой.

И вдруг его лицо изменилось. Не от страха. От узнавания.

Он вспомнил. Это было видно сразу. Губы приоткрылись. Пальцы медленно соскользнули с телефона.

— Нет...

Он посмотрел куда-то мимо стакана. Будто увидел перед собой не кухню.

Другую ночь. Другой свет. Другую дорогу.

— Этого не может быть.

Телефон снова завибрировал. Второе сообщение: «21:16».

Белов побледнел. Теперь страх стал настоящим. Не страх неизвестности.

Страх человека, который понял, почему за ним пришли.

Он попытался подняться. Не смог. Ноги не слушались. Сердце сорвалось в бешеный ритм.

Белов схватился за край стола. Стакан качнулся. Вода выплеснулась на столешницу.

Он смотрел на неё расширенными глазами. Потом на пустой стул.

— Мы не хотели...

Дыхание перехватило.

— Мы не знали, что она...

Он не договорил. Тело дёрнулось. Стул отлетел назад. Бе-

лов упал на пол.

Несколько секунд пальцы ещё царапали плитку. Потом за-
мерли. Телефон лежал рядом.

22:54.

Через минуту экран погас. В квартире стало тихо. Совсем
тихо.

Прошло семь минут. В 23:01 телефон Белова самосто-
ятельно включился. Хотя никто к нему не прикасался. На
экране появилась одна цифра. 2

Через несколько секунд она исчезла.

А в 23:04 в службу 112 поступил звонок.

Мужчина сообщил, что из квартиры номер 94 уже
несколько минут доносится звук сработавшей пожарной сиг-
нализации.

Он назвался соседом.

Дежурный записал адрес. Через четырнадцать минут к до-
му подъехали полиция и спасатели.

Дверь квартиры была заперта изнутри. Оба замка закры-
ты. Цепочка наброшена.

Когда дверь вскрыли, Антон Белов был мёртв.

В квартире никого не нашли.

Следов проникновения не было.

Окна оказались закрыты.

Балконная дверь заперта изнутри.

На кухонном столе стояли два стакана.

На одном остались отпечатки пальцев Антона Белова.

Второй был совершенно чист.

А пожарной сигнализации в квартире номер 94 никогда не было.

ГЛАВА I

ДЕЛО, КОТОРОЕ ЕМУ НЕ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ОТДА- ВАТЬ

Клим Фрязин проснулся за три минуты до будильника и несколько секунд лежал с закрытыми глазами, испытывая редкое и почти приятное чувство маленькой победы над собственной жизнью.

Потом открыл глаза, посмотрел на часы и понял, что никакой победы не было.

Накануне вечером он зачем-то переставил будильник на двадцать минут позже.

Получалось, что он уже опаздывает на семнадцать минут.

— Прекрасное начало, — пробормотал Клим и сел на кровати.

Квартира встретила его тем самым лёгким беспорядком, который ещё нельзя было назвать настоящим бардаком, но уже невозможно было принять за систему. На спинке стула висела вчерашняя рубашка, на подоконнике лежала книга, которую он собирался дочитать уже третью неделю, а на кухонном столе стояла кружка с засохшим кофейным следом

на дне.

Телефон зазвонил в тот момент, когда Клим пытался одновременно застегнуть рубашку и поставить чайник.

На экране высветилось: «Мама».

Он посмотрел на часы.

Ответить было ошибкой. Не ответить — ещё большей.

— Доброе утро, мам.

— Ты опять куда-то бежишь.

— Почему ты решила?

— Потому что, когда ты никуда не торопишься, у тебя голос нормального человека. Сейчас ты разговариваешь так, будто одной рукой надеваешь ботинок, а второй тушишь пожар.

Клим посмотрел на ботинок, который действительно держал в руке.

— Почти угадала.

— Значит, опять не завтракал.

— Это уже клевета. Я как раз стою на кухне.

— Стоять на кухне и завтракать — совершенно разные занятия.

— Мам, если мы сейчас начнём обсуждать мои пищевые привычки, я окончательно опоздаю.

— Хорошо, не будем. Я звоню только напомнить, что в воскресенье ты обещал приехать.

— Я помню.

— В прошлый раз ты тоже помнил.

— И приехал.

— На сорок минут позже.

— Но приехал.

Мать вздохнула тем особенным вздохом, который Клим знал с детства и который означал, что формально спорить уже не о чем, но морально победа всё равно остаётся за ней.

— Отец купил коптильню.

Клим замер с кружкой в руке.

— Зачем?

— Он считает, что человечество последние две тысячи лет неправильно готовило мясо.

— Это серьёзное заявление.

— Он третий день смотрит ролики и теперь разговаривает только о щепе, температуре и влажности.

— Тогда я обязательно приеду. Кто-то должен будет вызывать пожарных.

— Не шути. Он уже поставил её в гараже.

Клим допил кофе одним глотком.

— Вот теперь мне действительно страшно. Всё, мам, я побежал. В воскресенье буду.

— Клим.

— Да?

— Поешь нормально.

Он улыбнулся.

— Обещаю.

— Ты всегда обещаешь.

— Поэтому у тебя есть возможность всегда мне напоминать.

Он отключился и только через секунду заметил, что чайник так и не включил.

Через семь минут Клим спускался во двор.

Старенькая тёмно-синяя «Мазда» встретила его мокрой крышей и запотевшими окнами.

Конец октября в Москве в этом году словно окончательно отказался от цвета. Небо было серым, дома серыми, асфальт после ночного дождя почти чёрным, и даже красные огни машин казались приглушёнными.

Клим завёл двигатель.

«Мазда» задумалась, словно рассматривала возможность отказаться.

— Даже не начинай.

Двигатель нехотя заработал.

На работу Фрязин приехал с опозданием на двенадцать минут.

Для кого-то это было мелочью.

Для Сергея Павловича Тарнова — почти мировоззрением.

Клим уже приготовился пройти по коридору максимально незаметно, когда навстречу ему вышел Артём Сиверцев.

Тридцать один год, высокий, худой, вечно чуть небритый и с выражением лица человека, который заранее знает, что сегодняшний день ничем хорошим не закончится.

— Я бы на твоём месте не раздевался, — сказал он.

Клим остановился.

— Если это шутка насчёт моего опоздания, то сегодня у неё особенно неудачное время.

— Я совершенно серьёзен. Тарнов спрашивал тебя минут десять назад, а когда начальник спрашивает человека до того, как тот успел снять куртку, это обычно означает либо повышение, либо неприятности.

— Учитывая мою карьеру, ставлю на второе.

— Я тоже. Хотя для полного счастья тебе сейчас не хватает только фразы: «Зайдите ко мне, Фрязин, и закройте дверь».

Клим посмотрел на него.

— Он именно так сказал?

— Почти. Только без фамилии. Видимо, решил не тратить слова.

— Кто у него?

— Веденин.

Фрязин невольно замедлил шаг.

— Борис Андреевич?

— Другого у нас пока не завели.

Это уже меняло дело.

Борис Андреевич Веденин работал следователем почти тридцать лет и относился к той редкой категории людей, присутствие которых в кабинете начальника редко означало что-то случайное.

Клим снял куртку.

— Значит, всё-таки разденусь.

Сиверцев усмехнулся.

— Смелый человек.

— Если через десять минут меня уволят, заберёшь кружку со стола.

— Какую именно? У тебя их три.

— Тогда две оставь как вещественные доказательства.

Клим постучал в кабинет Тарнова.

— Входи.

Сергей Павлович сидел за столом.

Веденин расположился у окна и держал в руках тонкую папку.

Он был крупным мужчиной пятидесяти одного года, с коротко подстриженными седыми волосами и спокойным тяжёлым взглядом. За годы работы Веденин приобрёл почти раздражающую способность слушать так, будто собеседник уже сказал что-то лишнее, просто пока сам этого не заметил.

Тарнов посмотрел на часы.

— Рад, что вы всё-таки решили присоединиться к коллективу.

— Пробки.

— Разумеется. Москва существует исключительно для того, чтобы мешать вам приезжать вовремя.

— Я давно это подозревал.

Веденин едва заметно усмехнулся.

Тарнов кивнул на стул.

— Садитесь. Есть дело.

Клим сел.

Начальник немного помолчал, словно давая ему возможность самостоятельно понять, что ничего хорошего дальше не последует.

— Сегодня ночью в квартире на Ленинградском проспекте нашли мёртвым Антона Сергеевича Белова. Пятьдесят два года, врач, заведующий отделением частной клиники. На первый взгляд — внезапная сердечная смерть.

Клим перевёл взгляд на папку в руках Веденина.

— Но если бы всё было именно так, меня бы сюда не звали.

— Очень приятно, что вы это понимаете без дополнительного обучения.

Тарнов достал фотографию и положил перед ним.

Кухня.

Мужчина лежит возле стола.

Опрокинутый стул.

Два стакана.

— Дверь квартиры была заперта изнутри. Два замка и цепочка. Окна закрыты, балкон заперт. Следов проникновения нет. Камеры в подъезде никого постороннего не показывают.

Клим взял фотографию.

— Кто обнаружил тело?

Тарнов ответил уже без прежней сухости:

— Спасатели. В двадцать три ноль четыре в службу сто двенадцать позвонил мужчина и сообщил, что из квартиры Белова несколько минут звучит пожарная сигнализация. Представился соседом.

— И сигнализация действительно работала?

— В этом как раз одна из странностей. Никакой пожарной сигнализации в квартире Белова не было.

Клим поднял глаза.

— Совсем?

— Совсем. Звонивший назвался Алексеем Романовым, но человека с таким именем среди жильцов дома нет. Номер — одноразовая сим-карта, оформленная на женщину из Подмосковья. Она утверждает, что никогда её не покупала.

Клим снова посмотрел на фотографию.

— Получается, кто-то специально обеспечил обнаружение тела.

Веденин впервые заговорил:

— Возможно. А возможно, кому-то просто очень хотелось, чтобы дверь вскрыли именно в это время. Пока мы не знаем даже этого.

Клим кивнул.

— Что с причиной смерти?

— Предварительно тяжёлая аритмия и остановка сердца, — сказал Тарнов. — Следов насилия не обнаружено. Экспертиза продолжается.

— Тогда почему дело вообще рассматривают как возмож-

ное убийство?

Веденин протянул ему вторую фотографию.

Крупный план кухонного стола. Два стакана.

— На одном стакане отпечатки Белова, — сказал он. — Во втором тоже ничего необычного не нашли, потому что он оказался совершенно чистым. Не просто без отпечатков хозяина квартиры, а вообще без пригодных следов.

Клим внимательнее посмотрел на снимок.

— Его могли вымыть.

— Могли, — спокойно ответил Веденин. — Эксперты ещё разбираются, действительно ли его мыли или тщательно протёрли. Но важнее другое: если второй стакан случайно оказался на столе, это одно. Если кто-то специально уничтожил на нём следы, тогда возникает вопрос, зачем оставлять сам стакан.

Клим несколько секунд молчал.

— Чтобы показать, что в квартире был второй человек.

— Вот теперь стало интереснее, — сказал Веденин.

Тарнов откинулся на спинку кресла.

— Не торопитесь радоваться. Есть ещё телефон.

Перед Климом легла распечатка.

— В журнале аппарата Белова зафиксирован входящий звонок в двадцать два сорок восемь. У оператора этого звонка нет.

— Совсем нет записи соединения?

— Никакой.

— Тогда либо запись в телефоне подделали, либо звонок прошёл не через обычную сеть.

— Именно поэтому технический отдел уже занимается аппаратом.

Тарнов перевернул страницу.

— А через несколько минут на телефон пришли два сообщения. Первое: «Вы вспомнили?» Второе — «21:16». У оператора их тоже нет.

Клим перечитал.

— Кто-нибудь понимает, что означает время?

— Пока нет.

— Это могло быть время встречи.

— Могло.

— Или предупреждение.

— Могло.

Клим посмотрел на Веденина.

— Вы уже осматривали квартиру?

— Да.

— И что думаете?

— Думаю, что пока слишком мало фактов и слишком много соблазна сделать из них красивую историю.

— Но у вас наверняка есть версия.

— Версий у меня несколько. Именно поэтому я стараюсь не доверять ни одной.

Клим вернул фотографию.

— А мне вы это дело зачем показываете?

Тарнов посмотрел прямо на него.

— Потому что с сегодняшнего утра вы им занимаетесь.

Клим сначала решил, что ослышался.

— Я?

— Пока да.

— Сергей Павлович, если вы хотите проверить, насколько быстро человек способен испортить себе настроение до девяти утра, эксперимент уже удался.

— Я не шучу.

— Я тоже.

Клим посмотрел на Веденина.

Тот стоял совершенно спокойно.

— Это дело явно не моего уровня.

Тарнов пожал плечами.

— Вот и узнаем.

— У нас есть люди с гораздо большим опытом.

— Есть.

— Борис Андреевич, например.

Веденин ответил сам:

— Я и предложил отдать его тебе.

Клим повернулся.

— Вы?

— Я.

— Почему?

Веденин немного помолчал.

— Потому что я пока не понимаю, что здесь произошло.

— И поэтому решили передать дело человеку, который понимает ещё меньше?

— Именно.

Клим усмехнулся.

— Очень обнадёживающий принцип отбора.

— Опыт иногда мешает не меньше, чем помогает, — сказал Веденин. — Я уже видел слишком много закрытых квартир, отравлений, инсценировок и семейных историй. Поэтому рискую слишком рано узнать знакомую конструкцию там, где её нет. Ты пока не успел накопить столько привычных ответов.

Тарнов добавил:

— Ваша задача сейчас не поймать убийцу. Сначала установите, было ли здесь убийство вообще.

Клим ещё раз посмотрел на тело Белова на фотографии.

— И если окажется обычная сердечная смерть?

— Закроете дело и порадуете всех.

— А если нет?

Тарнов посмотрел на него без улыбки.

— Тогда, Фрязин, у вас начнутся проблемы.

Через сорок минут Клим уже ехал вместе с Ведениным к дому Белова.

Сиверцева с ними не было, хотя он успел проводить Фрязина до выхода словами:

— Если увидишь призрака, сначала попроси документы, а потом задерживай.

— Почему призрака?

— Потому что живой человек в квартиру, судя по всему, войти не мог.

— Я обязательно передам ему твоё мнение.

Дом Белова оказался новым жилым комплексом из стекла, металла и слишком дорогого камня.

Девятый этаж.

Квартира почти сто сорок квадратных метров.

Внутри уже работали эксперты.

На входе Клим остановился возле замков.

Веденин не торопил.

— Цепочку вскрывали?

— Да. Спасатели выбили дверь вместе с креплением.

— Следов прежнего повреждения нет?

— Пока нет.

Клим вошёл.

Квартира выглядела так, будто хозяин должен был вернуться через несколько минут.

Пальто в прихожей. Ноутбук в кабинете. Книга на диване. Телевизор.

На кухне всё ещё оставались метки экспертов.

Тело уже увезли.

Клим подошёл к столу.

— Стаканы стояли здесь?

Веденин показал места.

— Один ближе к краю. Второй напротив.

— То есть примерно так, как если бы за столом сидели двое.

— Именно поэтому эта деталь всем так нравится.

Клим посмотрел на два стула.

— А вам?

— Мне больше нравится то, что не укладывается в красивые объяснения.

Он направился к окну.

Клим остался возле стола.

На фотографии один стул был отодвинут.

В квартире сейчас он стоял почти ровно.

Фрязин достал телефон, открыл снимок.

Сравнил.

— Борис Андреевич.

Веденин подошёл.

— Что?

— Этот стул кто-нибудь двигал после первичного осмотра?

— Не должен был.

Клим показал фотографию.

— На снимке он примерно на двадцать сантиметров дальше от стола.

Веденин посмотрел.

Потом на стул.

— Хорошо заметил.

— Эксперты?

Они позвали Климовского.

Андрей Олегович вошёл из коридора, снял перчатки и недовольно посмотрел на обоих.

— Если вы сейчас скажете, что нашли отпечаток убийцы размером с ладонь, я буду счастлив.

Клим показал фотографии.

— Стул двигали?

Климовский нахмурился.

— Я — нет. Мои люди не должны были.

— Уборка?

— Здесь после вскрытия никто ничего не убирал.

— Тогда почему он стоит иначе?

Эксперт пожал плечами.

— Потому что кто-то его передвинул. Другого объяснения у мебели обычно не бывает.

— Очень полезно.

— Я стараюсь.

Клим присел возле стола.

На светлой столешнице рядом с местом второго стакана виднелся почти незаметный круглый след.

— Это было?

Климовский подошёл ближе.

— Где?

Клим показал.

— Небольшое кольцо. Словно от влажного дна стакана.

Эксперт наклонился.

— Вчера я его не видел.

— Уверены?

— Здесь всё фотографировали крупно. Если оно было, должно попасть на снимок.

Клим открыл исходные фотографии.

Кольца действительно не было.

Рядом с ним обнаружилась тонкая свежая царапина и маленькая тёмная крупинка.

Климовский осторожно снял её.

— На что похоже?

— Пока только на маленькую тёмную крупинку. Если хочешь красивее, могу назвать микрочастицей неизвестного происхождения.

— Спасибо, этого достаточно.

Позже предварительный анализ показал, что частица похожа на чёрную автомобильную краску.

Клим несколько секунд смотрел на заключение.

— Каким образом автомобильная краска могла оказаться на кухонном столе?

Климовский пожал плечами.

— Принести могли на одежде, на сумке, на руке, на любом предмете. Я могу сказать, что это похоже на автомобильное покрытие. Откуда оно здесь взялось — уже твоя часть работы.

— То есть вы оставляете всё интересное мне.

— Именно поэтому у тебя удостоверение следователя, а

у меня лаборатория.

Веденин наблюдал за разговором молча.

Когда Климовский ушёл, он сказал:

— Не пытайся сразу придумать объяснение.

— Я пока и не придумал.

— Уже пытаешься.

Клим усмехнулся.

— Вы это по лицу определяете?

— По возрасту. В двадцать семь лет человек ещё верит, что каждая найденная деталь обязана немедленно что-то значить.

Клим посмотрел на крупный план царапины.

— А в пятьдесят один?

— Начинаешь надеяться, что хотя бы половина деталей вообще имеет отношение к делу.

Они прошли по всей квартире.

Балкон был закрыт. Окна тоже.

Вентиляционные шахты не позволяли пройти человеку.

Запасного выхода не существовало.

Клим долго стоял у входной двери.

— Самое простое объяснение — кто-то вышел до того, как Белов закрылся.

— Тогда кто поставил цепочку?

— Сам Белов.

— После ухода гостя?

— Возможно.

— Хорошо. Тогда второй человек должен был уйти раньше смерти Белова.

— Да.

— Но почему после этого Белов разговаривает с кем-то по неизвестному каналу, получает сообщения и явно чего-то пугается?

Клим посмотрел на Веденина.

— Вы уже решили, что он испугался?

— Нет. Но телефон лежал возле тела, а одно из последних действий — попытка набрать сто двенадцать. Это пока единственное, что позволяет предполагать тревогу.

Клим кивнул.

— Значит, сначала выясняем, что произошло. Потом решаем, кто это сделал и сделал ли вообще.

Веденин посмотрел на него.

— Запомнил.

— Я умею слушать.

— Это ещё предстоит доказать.

Они спустились в комнату охраны.

Камеры комплекса работали почти без перерывов.

Вход. Лифты. Паркинг. Коридор на девятом этаже.

Белов вошёл в дом в 22:17.

Один.

Поднялся на лифте.

В 22:19 вошёл в квартиру.

После него никто к двери не подходил.

— Балкон снаружи попадает на камеру? — спросил Клим.
Начальник охраны ответил:

— Фасад снимается частично. Вход на балкон Белова виден под углом.

— Покажите.

Они просмотрели запись.

Ничего.

Клим попросил дать интервал до утра.

В 03:17 он вдруг поднял руку.

— Стоп.

На тёмном фасаде загорелось окно кухни Белова.

Все трое молчали.

— Это точно его кухня? — спросил Клим.

Начальник охраны увеличил.

— Да.

— Кто в это время находился в квартире?

— Никто.

— После вскрытия дверь опечатали?

— Полиция закрыла помещение около часа ночи.

— Свет могли оставить включённым?

Начальник охраны покачал головой.

— По записи видно, что до 03:17 кухня была тёмной.

Клим посмотрел на часы камеры.

03:17:06.

Свет горел сорок три секунды.

В 03:17:49 погас.

Никакой фигуры у окна не появилось.

— Есть умный дом?

— Частично. Освещение можно было настроить через приложение.

Клим сразу спросил:

— У Белова была такая настройка?

— Нужно проверять.

— Значит, не начинаем рассказывать про призраков.

Веденин улыбнулся.

— Правильная мысль.

Клим попросил выгрузить запись.

— Сначала электричество. Потом приложение. Потом ключи, доступ охраны и настройки системы. У света всегда есть выключатель, даже если он спрятан в телефоне.

— И если ничего не найдём? — спросил начальник охраны.

— Тогда будем искать дальше.

На улице уже начинало темнеть.

В машине Клим открыл распечатку сообщений ещё раз.

«ВЫ ВСПОМНИЛИ?»

«21:16»

Он смотрел долго.

Веденин не мешал.

— Борис Андреевич.

— Слушаю.

— Мы всё время воспринимаем 21:16 как отдельное со-

общение.

— Потому что оно отдельное.

— Технически — да. Но по смыслу оно отвечает на первое.

Веденин повернулся.

Клим продолжил:

— «Вы вспомнили?» А следом — «21:16». Получается не предупреждение и не время встречи. Это подсказка. Кто-то заставляет Белова вспомнить событие, которое произошло в 21:16.

Веденин несколько секунд смотрел на него.

— Неплохо.

Клим усмехнулся.

— Для первого дня?

— Не портить момент.

— Значит, надо искать событие из прошлого.

— Возможно.

— Вы опять это слово.

— Оно спасло больше следователей, чем уверенность.

Клим отложил распечатку.

— А если Белов действительно вспомнил?

— Тогда нам нужно понять, что именно.

— И кто ещё должен это помнить.

Веденин посмотрел в окно.

— Вот этот вопрос уже полезнее.

Телефон Клина зазвонил, когда они подъехали обратно к

управлению.

Номер был незнакомый.

Он ответил.

— Фрязин.

Несколько секунд тишины.

Потом женский голос.

Тихий.

Напряжённый.

— Вы расследуете смерть Антона Белова?

Клим насторожился.

— С кем я говорю?

— Скажите сначала, правда ли его нашли на кухне.

Он посмотрел на Веденина.

Тот сразу понял по выражению лица, что разговор необычный.

— Информация о месте обнаружения не публиковалась.

Если вы хотите что-то сообщить, представьтесь.

Женщина тяжело вдохнула.

— Там были два стакана?

Теперь Клим окончательно выпрямился.

— Откуда вы знаете об этом?

Тишина.

— Пожалуйста, ответьте.

— Я отвечу, если вы объясните, кто вы и почему знаете детали, доступные только следствию.

Женщина молчала так долго, что Клим решил, будто связь

оборвалась.

Потом услышал:

— Потому что у меня тоже два.

Клим резко повернулся к Веденину.

— Где вы находитесь?

В трубке послышалось движение.

— Послушайте меня внимательно. Не отключайтесь и назовите адрес. Если вы считаете, что вам угрожает опасность, мы приедем немедленно.

Женщина словно собиралась что-то сказать.

Клим услышал короткий звук.

Не голос.

Будто что-то упало или задело стол.

— Вы меня слышите?

Связь оборвалась.

Он сразу перезвонил.

Телефон был выключен.

— Что произошло? — спросил Веденин.

Клим уже смотрел на экран.

— Женщина знала, что Белова нашли на кухне. И знала про два стакана.

— Представилась?

— Нет. В конце сказала: «У меня тоже два».

Веденин перестал выглядеть спокойным.

— Номер сохраняй. Звони Сиверцеву и оператору.

Клим уже набирал.

Секунду назад дело Белова казалось странным, запутанным и, возможно, вообще не уголовным.

Теперь где-то в Москве находилась женщина, которая знала то, чего знать не должна была.

И возле неё тоже стояли два стакана.

Возможно, впервые у Клима появился шанс оказаться не после события.

А до него.

ГЛАВА II

ДВА СТАКАНА

Клим ещё несколько секунд смотрел на потухший экран телефона, будто женщина могла передумать и снова позвонить сама.

Ничего.

Номер оставался недоступен.

Веденин уже доставал свой телефон.

— Передавай номер Сиверцеву и дежурному. Пусть поднимают оператора и определяют последнюю регистрацию аппарата. Если женщина действительно находится рядом с такой же парой стаканов, как у Белова, у нас может быть очень мало времени.

Клим кивнул и быстро набрал Артёма.

Сиверцев ответил почти сразу.

— Только не говори, что ты уже успел найти нового покойника. Я ещё с первым не закончил.

— Пока нет, и очень хотелось бы сохранить именно такое положение. Мне только что звонила женщина, которая знала, что Белова нашли на кухне и что на столе стояли два стакана.

На том конце повисла короткая пауза.

— Это уже не похоже на случайный звонок.

— Она сказала, что у неё тоже два стакана, после чего связь оборвалась. Номер сейчас недоступен. Я отправляю тебе данные, подними оператора и попробуй выяснить всё, что можно: владелец, последняя базовая станция, история включений.

— Принял. Если номер настоящий и аппарат ещё где-то регистрировался, зацепимся.

— Артём, без обычных процедур. Это срочно.

— Я понял по голосу. Перезвоню, как только что-нибудь появится.

Клим отключился.

Веденин молча смотрел на него.

— Она была напугана?

— Да. Не истерика, но говорила так, будто понимала, что происходит что-то плохое. Самое странное — она не просила помощи прямо. Сначала хотела убедиться, что я действительно знаю про Белова.

— Значит, либо она имеет отношение к его смерти, либо

боится того же, что произошло с ним.

— Есть и третий вариант.

— Какой?

— Она специально выводит нас куда-то.

Веденин кивнул.

— Хорошо, что ты об этом подумал. Только не начинай верить в этот вариант больше, чем в остальные.

Они почти добрались до управления, когда Сиверцев перезвонил.

— Номер оформлен на Ольгу Ратову. Сорок шесть лет, финансовый директор строительной компании «Гранит-Плюс».

— Адрес?

— Постоянная регистрация в Хамовниках, но аппарат последний раз отмечался совсем в другом месте — район Тверской. И есть ещё кое-что. Ратова вчера заселилась в гостиницу «Север».

— Ты уверен, что именно она звонила?

— Пока нет. Номер её. Голос мы не идентифицировали. Но совпадение уже слишком удобное, чтобы его игнорировать.

Клим посмотрел на Веденина.

— Она в гостинице.

— Тогда езжайте туда.

— А вы?

— Я вернусь в управление и займусь Беловым. Два следо-

вателя в одной гостинице пока не нужны.

Клим уже разворачивал машину.

— Сиверцев, выезжай в «Север». Я буду через двадцать минут.

— Ты сейчас едешь?

— Уже.

— Тогда постарайся не опередить собственное удостоверение. Я вызову туда группу и предупрежу гостиницу, чтобы никто не входил в номер.

— Только не говори персоналу, что мы ищем возможного убийцу. Пока мы даже не знаем, что там произошло.

— Понял. Скажу, что женщина может нуждаться в помощи.

Клим отключился.

Москва, как назло, решила именно в этот момент окончательно встать.

Навигатор показывал красную линию почти до самого центра.

Клим перестроился в соседний ряд и снова посмотрел на часы.

Он не любил спешку в расследовании. Спешка заставляла человека принимать решение раньше, чем появлялось достаточно фактов. Но сейчас выбора не было.

Голос женщины всё ещё звучал в голове.

«Потому что у меня тоже два».

Не «были».

Не «я видела».

У меня тоже два.

Настоящее время.

Через двадцать семь минут Клим остановился у гостиницы.

Сиверцев уже ждал возле входа.

— Номер пятьсот двадцать шесть. Администратор говорит, Ратова вернулась в гостиницу утром и после этого, по камерам, не выходила.

— Кто-нибудь поднимался к ней?

— Пока видимого посетителя нет. Я попросил охрану ничего не перематывать без нас.

Они вошли.

«Север» был одной из тех гостиниц, которые пытались выглядеть дороже, чем стоили. Мрамор в холле, тяжёлые портьеры, запах кофе и дорогого освежителя воздуха.

У стойки их встретил управляющий — полный мужчина лет пятидесяти, явно недовольный тем, что полиция появилась среди постояльцев.

— Господа, я уже объяснил вашему сотруднику, что госпожа Ратова не сообщала о каких-либо проблемах. Она живёт у нас третий день и всегда была совершенно спокойна.

Клим показал удостоверение.

— Мы не утверждаем, что проблема была. Но примерно сорок минут назад с её номера поступил звонок, после которого связь оборвалась. Нам необходимо убедиться, что с ней

всё в порядке.

— Мы звонили в номер. Она не отвечает.

— Кто-нибудь поднимался?

— Дежурный администратор. Дверь заперта, ответа нет.

— Электронный замок?

— Да.

— Он показывает, когда дверь открывали в последний раз?

Управляющий переглянулся с сотрудницей стойки.

— Система фиксирует использование карты.

— Тогда поднимайте данные. И дайте мастер-ключ.

На пятом этаже было тихо.

Номер 526 находился почти в конце коридора.

Клим постучал.

— Ольга Викторовна? Полиция. Если вы нас слышите, пожалуйста, откройте дверь.

Тишина.

Он постучал сильнее.

Ничего.

Сиверцев посмотрел на индикатор замка.

— Мастер-карта откроет внешний замок.

Администратор приложил карту.

Замок щёлкнул.

Дверь приоткрылась сантиметра на три и остановилась.

— Внутренний фиксатор, — сказал Сиверцев.

Клим наклонился.

Дверь действительно держала металлическая скоба.

— Значит, либо Ратова внутри, либо фиксатор закрыли каким-то способом без неё.

Управляющий сразу вмешался:

— Закрыть его снаружи невозможно. Он механический.

Клим посмотрел на него.

— Слово «невозможно» в таких делах обычно живёт до первого эксперимента. Пока скажем только, что нормальным способом он закрывается изнутри.

Сиверцев усмехнулся.

— Вот теперь я узнаю Веденина даже без Веденина.

Клим не ответил.

Пришлось вызвать техника гостиницы.

Через несколько минут внутренний фиксатор аккуратно сняли, стараясь не разрушить крепление.

Клим вошёл первым.

— Ольга Викторовна?

Тишина.

Небольшая прихожая.

Шкаф.

В нём пальто.

На полке женская сумка.

Ключи.

Документы.

В комнате никого.

Ванная пустая.

Окно закрыто.

Клим подошёл к нему.

— Оно открывается?

Управляющий покачал головой.

— Нет. После реконструкции окна здесь глухие, только вентиляция.

— Значит, через окно она уйти не могла.

— Именно это я и говорю.

Клим повернулся.

— Вы говорили про дверь.

— Простите.

На столе у окна стояли два стакана.

Клим остановился.

Сиверцев увидел их секунду спустя и тоже замолчал.

Два одинаковых прозрачных стакана.

Один ближе к краю.

Другой напротив.

Клим почувствовал неприятный холод внутри.

Не страх.

Скорее подтверждение того, что очень хотелось бы признать совпадением.

— Ничего не трогаем, — сказал он. — Вызывай Климовского.

Сиверцев уже доставал телефон.

Клим медленно обошёл номер.

Кровать не смята.

На тумбочке лежала книга.

Зарядка от телефона подключена к розетке.

Чемодан открыт, внутри одежда.

Косметика в ванной.

Ничего не указывало, что женщина собиралась срочно уходить.

— Документы здесь, пальто здесь, сумка тоже, — сказал Сиверцев после звонка. — Если она ушла добровольно, то выбрала очень странный способ.

— Не спеши. Сначала выясним, действительно ли она ушла.

— А как ещё человек может исчезнуть из пустой комнаты?

Клим посмотрел на него.

— Именно это мы и должны установить.

Через двадцать минут приехал Климовский.

Он вошёл в номер, увидел стол и остановился.

— Только не говорите, что у нас опять два стакана.

— К сожалению, говорить ничего не придётся. Они перед вами.

Эксперт надел перчатки.

— Кто входил после того, как открыли дверь?

— Я, Сиверцев, администратор и техник. Все стоят в коридоре, маршруты зафиксировали. До нас, по словам гостиницы, никто.

Климовский подошёл к столу.

Первый стакан.

Второй.

Осмотрел поверхность.

— Здесь есть отпечатки.

— На каком?

— На том, что ближе к краю. Второй пока выглядит чистым.

Сиверцев выдохнул.

— Всё-таки повторяется.

Клим бросил на него взгляд.

— Повторяется деталь. Не вывод.

— Хорошо. Деталь повторяется очень выразительно.

Климовский посмотрел на них обоих.

— Если вы закончили спорить о терминологии, я продолжу работать.

Через несколько минут он показал на ковёр возле кресла.

— Здесь что-то есть.

Клим подошёл.

На светлом ворсе лежала небольшая тёмная пуговица.

Мужская.

— К одежде Ратовой не подходит, — сказал Сиверцев. — На ней была блузка и брюки.

— Это мы проверим, — ответил Клим. — И постарайся не назначать владельца раньше лаборатории.

Климовский аккуратно упаковал пуговицу.

Потом подошёл к окну.

— Следов вскрытия нет. Стеклопакет герметичный. Если женщина вышла, то не отсюда.

— Вентиляция?

— Даже кошка обиделась бы на такое предложение.

Клим снова посмотрел на дверь.

— А внутренний фиксатор можно закрыть снаружи?

— Теоретически почти любой механический замок можно заставить делать то, для чего он не предназначен. Но мне понадобится время, чтобы понять, возможно ли это здесь и оставит ли способ следы.

— Проверьте.

Пока эксперт работал, Клим с Сиверцевым спустились к охране.

Записи камер уже подготовили.

Ратова вошла в гостиницу в 11:14.

На ней было светлое пальто.

В руке сумка.

Одна.

В 11:16 она поднялась на лифте.

Камера пятого этажа зафиксировала, как она вошла в номер.

После этого дверь никто не открывал.

— Ни один человек? — спросил Клим.

Начальник охраны прокрутил запись.

— На камере коридора — нет.

— Служебные проходы?

— На этаже есть лестница для персонала, но выход из неё тоже попадает в кадр.

— Все камеры работают без разрывов?

— На этом участке — да.

— Значит, если верить системе, Ратова вошла в номер в 11:16 и после этого не выходила.

— Получается именно так.

Клим несколько секунд смотрел на запись.

— А звонок мне был в 13:44.

Сиверцев прислонился к спинке стула.

— То есть почти два с половиной часа она находилась внутри.

— Если телефон был у неё.

— Ты думаешь, звонил кто-то другой?

— Я думаю, пока нельзя исключать ничего.

Они начали просматривать коридор с 11:16 до момента своего приезда.

Постояльцы.

Горничные.

Сотрудники гостиницы.

Ничего.

В 13:46 по коридору прошла женщина в форме уборщицы.

Клим попросил остановить запись.

— Кто это?

— Горничная. Лариса Коваль.

— Приведите её.

Женщина пришла минут через десять.

Лет сорок, уставшее лицо, руки всё время теребят край фартука.

— Я в номер не входила, — сказала она ещё до того, как Клим успел задать вопрос. — У меня там даже уборки не было назначено.

— Мы не обвиняем вас ни в чём. Нам важно понять, слышали ли вы что-нибудь, когда проходили мимо.

Она задумалась.

— Телефон.

Клим чуть подался вперёд.

— Вы слышали звонок?

— Кажется, да. Внутри что-то звонило. Я ещё подумала, что постоялица не берёт трубку.

— Вы уверены, что звук шёл именно из 526-го?

— Почти. Я проходила рядом, и звонок был оттуда.

— Сколько продолжался?

— Недолго. Несколько секунд.

— Голоса, шум, движение?

— Ничего такого не помню.

— Дверь была закрыта?

— Конечно.

Клим посмотрел на время записи.

13:46.

Через две минуты после звонка ему.

Если телефон оставался в номере, значит, звонок женщины не мог поступить уже после того, как она говорила с Климом.

А если она действительно исчезла раньше?

Он пока не хотел формулировать.

На выходе из комнаты охраны Сиверцев сказал:

— Сейчас ты опять думаешь о закрытой комнате.

— Я думаю о том, что данные пока противоречат друг другу.

— В этом есть разница?

— Большая. Если я скажу себе, что это «закрытая комната», мозг начнёт искать сложный способ исчезновения. А может оказаться, что мы неправильно понимаем вообще один из исходных фактов.

— Например?

— Например, что женщина на записи — действительно Ратова. Или что звонок был именно из номера. Или что камера не показывает всё, что нам кажется.

Сиверцев усмехнулся.

— Вот теперь я окончательно понимаю, почему тебя выбрал Веденин.

Они вернулись наверх.

Климовский уже закончил первичный осмотр стаканов.

— На одном действительно есть отпечатки Ратовой. Сравнение прошло быстро, её данные есть в базе документов.

— А второй?

— Совершенно чистый. Ни одного пригодного следа.

Клим посмотрел на стаканы.

— Снова тот же рисунок.

— Теперь это уже можно назвать повторяющимся элементом, — заметил Сиверцев.

Клим не стал спорить.

— Что с пуговицей?

— Пока ничего. Но материал хороший, можно будет сравнить, если найдём одежду.

— Следы в номере?

— Обычный набор: Ратова, персонал, возможно, предыдущие постояльцы. Ничего, что сразу кричало бы «вот ваш преступник».

Климовский посмотрел на дверь.

— Фиксатор тоже интересный. Я пока не вижу очевидного способа закрыть его снаружи без следов. Но это ещё не значит, что такого способа нет.

— Хорошо. Проверьте всё, что связано с механикой двери.

Клим спустился в холл.

Через полчаса пришёл первый результат по телефону Ратовой.

Сиверцев подошёл к нему с планшетом.

— У неё перед исчезновением были два коротких входящих звонка с неизвестных номеров. Оба номера зарегистрированы на подставных людей, оба активированы недавно.

— Время?

— Первый примерно за час до её звонка тебе. Второй — незадолго до него.

— Разговоры записывались?

— Нет.

— Локации номеров?

— Пока грубо. Один отмечался в районе Павелецкого вокзала, второй — рядом с гостиницей.

Клим задумался.

— Если один из них находился рядом, это ещё ничего не доказывает. В центре тысячи аппаратов на одной территории.

— Согласен. Но структура очень похожа на Белова: неизвестные номера, короткие контакты, невозможность нормально отследить источник.

— Похожесть фиксируем. Не объединяем всё автоматически.

Сиверцев посмотрел на него с лёгкой улыбкой.

— Ты сегодня особенно осторожный.

— Потому что вчера уже начал слишком быстро придумывать объяснения.

— Веденин заразил?

— Хуже. Оказался прав.

Управляющий гостиницы сообщил, что у Ратовой в подземном паркинге стоит машина.

Чёрный внедорожник.

Клим сразу попросил показать.

Автомобиль находился на втором подземном уровне.

На первый взгляд ничего необычного.

Двери закрыты.

Сигнализация активна.

Сиверцев обошёл машину и остановился у заднего крыла.

— Клим.

Фрязин подошёл.

На чёрной краске была свежая длинная царапина.

Светлая полоса длиной сантиметров двадцать.

— Недавняя, — сказал Сиверцев. — Грязь ещё не заби-
лась.

Клим наклонился.

В памяти всплыла тёмная крупинка на кухонном столе Бе-
лова.

Автомобильная краска.

Чёрная.

— Вызывай Климовского сюда.

Эксперт спустился через несколько минут.

Осмотрел повреждение.

Снял образец покрытия.

— Хочешь, чтобы я прямо сейчас сказал, та ли это краска?

— Было бы удобно.

— Тогда придётся разочаровать. По цвету совпадений
миллионы. Нужен сравнительный анализ слоёв.

— Сколько времени?

— Если мне сегодня никто не принесёт ещё один загадоч-

ный предмет — несколько часов.

Сиверцев посмотрел на Клима.

— Не обещай.

Клим проигнорировал.

— Сравните с частицей из квартиры Белова в первую очередь.

Климовский кивнул.

Они поднялись обратно.

Клим снова прошёл в номер 526.

Всё больше беспокоило не то, что Ратова исчезла, а то, что в комнате осталось практически всё, что обычный человек взял бы с собой.

Пальто.

Документы.

Сумка.

Зарядка.

Чемодан.

Её не было.

Телефона тоже.

Он открыл шкаф.

Пустая вешалка рядом с пальто.

— Что на ней было?

Сиверцев посмотрел.

— Возможно, пиджак.

— Узнай у дочери, в чём Ратова была утром и что брала с собой.

— Уже ищем родственников.

Телефон Сиверцева зазвонил.

Он выслушал несколько фраз.

— Нашли дочь. Екатерина, двадцать два года. Живёт отдельно. Едет сюда.

Она приехала через сорок минут.

Высокая девушка, очень похожая на мать на фотографии.

Клим не стал разговаривать с ней в коридоре.

Их провели в небольшую комнату рядом с холлом.

Екатерина села, сцепив пальцы.

— Скажите мне прямо, мама погибла?

Клим ответил спокойно:

— У нас нет оснований утверждать, что она погибла. Сейчас мы пытаемся понять, где она находится и что произошло после того, как она вернулась в гостиницу.

— Но вы сказали по телефону, что она исчезла из номера.

— Она не находится там, хотя по камерам не видно, чтобы она выходила. Это странно, но само по себе ещё ничего не говорит о её состоянии.

Девушка несколько раз кивнула.

— Она кому-нибудь угрожала? Получала странные звонки? Говорила, что боится кого-то?

Екатерина задумалась.

— Последнюю неделю она была нервной. Но мама вообще не любила говорить о работе.

— Вы считали, что это связано с работой?

— Я сначала так думала.

— А потом?

Девушка посмотрела на Клима.

— Два дня назад она спросила меня очень странную вещь.

Клим почувствовал, как внутри всё напряглось.

— Какую именно?

— Она спросила, бывало ли у меня когда-нибудь так, что я помню не событие, а точное время, когда оно произошло. Не день. Не место. Именно минуту.

Сиверцев перестал писать.

Клим старался не показать реакции.

— Она привела пример?

— Да. Сказала: «Представь, что ты всю жизнь помнишь 21:16».

В комнате стало очень тихо.

Клим спросил:

— Вы уточнили, что она имела в виду?

— Конечно. Я даже засмеялась и спросила, почему именно 21:16. А мама сказала, что иногда одна минута портит всю жизнь.

— Больше ничего?

— Она сразу поменяла тему.

— Вы раньше слышали от неё это время?

— Никогда.

Клим переглянулся с Сиверцевым.

Теперь 21:16 принадлежало уже не только Белову.

Это было первое настоящее соединение двух людей.

Не пуговица.

Не краска.

Не стаканы.

Память.

— Ваша мать знала Антона Белова?

Екатерина нахмурилась.

— Я такого имени не помню.

— Может быть, лечилась у него или встречалась по работе?

— Не знаю. Она никогда не рассказывала.

— У неё были старые друзья или коллеги, о которых она в последнее время вспоминала?

— Я не замечала.

Клим сменил тему.

— Сегодня утром в чём она была?

— Светлая блузка, тёмные брюки. Пальто серое.

— Пиджак?

— Кажется, нет.

— Машиной пользовалась?

— Да. Она приехала на своём внедорожнике.

— Царапина на заднем крыле была раньше?

Екатерина посмотрела удивлённо.

— Какая царапина?

— Свежая, на правой стороне.

— Вчера вечером её точно не было. Мама очень следила

за машиной и сразу бы пожаловалась мне на такую вещь.

Клим кивнул.

Это уже становилось интереснее.

После разговора они вернулись к камерам.

Появилась новая информация.

В 14:07 банковская карта Ольги Ратовой была использована в банкомате на Ленинградском проспекте.

Клим посмотрел на время.

— Через двадцать три минуты после звонка мне.

— Именно, — сказал Сиверцев. — И примерно через двадцать минут после того, как горничная слышала телефон в номере.

— Камера банкомата есть?

— Запись уже запросили.

Через некоторое время пришло видео.

На экране появился человек в тёмной куртке и бейсболке. Лицо почти полностью скрыто козырьком.

Он вставил карту.

Ввёл код.

Снял наличные.

— Сумма?

— Тридцать тысяч.

— Использует какую руку?

Сиверцев прокрутил ещё раз.

— Левую.

Клим смотрел на экран.

На запястье мелькнул тёмный ремешок.

Часы или браслет.

Рост средний.

Телосложение обычное.

Ничего, что позволяло бы узнать человека.

— Код карты он знал.

— Да.

— Значит, либо Ратова сообщила его сама, либо человек получил доступ другим способом.

— Силой тоже могла сказать.

Клим кивнул.

— Могла. Но пока не делаем вывод, что на видео убийца.

— Я этого не говорил.

— Ты подумал.

— А ты теперь и мысли читаешь?

— Только самые предсказуемые.

Сиверцев улыбнулся.

— Тогда с тобой становится опасно работать.

Клим снова посмотрел на запись.

Главное было другое.

Если карта Ратовой оказалась на Ленинградском проспекте в 14:07, значит, кто-то физически перемещался по городу после её исчезновения.

И этот человек имел доступ к её вещам.

Но сама Ратова всё ещё оставалась неизвестно где.

В 17:20 пришёл Климовский.

В руках он держал два прозрачных пакета.

— Начнём с хорошего. Пуговица.

— Нашли владельца?

— Не владельца, но источник. Я сравнил её с одеждой Белова, которую изъяли после вскрытия. На его пальто не хватает одной пуговицы.

Клим несколько секунд молчал.

— Та же модель?

— Та же партия, тот же материал, форма, микроскопические особенности обработки. Почти наверняка пуговица именно с его пальто.

Сиверцев тихо выдохнул.

— Значит, часть одежды Белова каким-то образом оказалась в номере Ратовой.

Клим посмотрел на пакет.

— А частица краски?

Климовский протянул второй документ.

— Здесь ещё интереснее. Частица, найденная на кухонном столе Белова, совпадает по структуре слоёв и химическому составу с верхним покрытием автомобиля Ратовой.

Клим перечитал заключение.

— Насколько точно?

— Достаточно, чтобы считать источник практически установленным. Заводское покрытие, подслои, лак — всё совпадает.

Сиверцев провёл ладонью по лицу.

— Получается, пуговица Белова лежит у неё в номере, а краска с её машины находится в его квартире.

— Да, — сказал Клим. — И это произошло до того, как мы узнали, что они вообще могут быть связаны.

Он подошёл к окну.

Картина становилась одновременно яснее и страннее.

Кто-то соединил два места физическими следами.

Но зачем?

Если это сделал преступник намеренно, он как будто сам строил мост между жертвами.

Если следы возникли случайно, значит, Белов и Ратова встречались или находились в непосредственном контакте до смерти Белова.

И это было даже важнее.

— Нужно установить все пересечения их маршрутов за последние недели, — сказал Клим. — Машины, камеры, рестораны, парковки, телефоны. Если они встречались, найдём.

Сиверцев кивнул.

— А если не встречались?

— Тогда придётся объяснить, как пуговица одного и краска машины другой поменялись местами.

К вечеру гостиничный номер опечатали.

Ратову объявили в розыск как пропавшую при обстоятельствах, позволяющих предполагать угрозу жизни.

Клим вернулся в управление около девяти.

На столе стоял холодный кофе.

Он не помнил, кто его принёс.

На доске теперь висели две фотографии.

Антон Белов.

Ольга Ратова.

Между ними Клим провёл линию.

Под ней написал:

«21:16».

Ниже:

«два стакана».

Потом:

«пуговица Белова — номер Ратовой».

«краска машины Ратовой — квартира Белова».

Он долго смотрел на доску.

Слишком много связей для двух людей, которые формально не были знакомы.

Тарнов вошёл без стука.

— Рассказывай.

Клим развернулся.

— Ратова исчезла из номера, который был заперт изнутри.

По камерам она не выходила. В номере остались документы, пальто, вещи и сумка. Телефона нет.

— Это я уже слышал. Что изменилось?

— Мы получили две физические связи с Беловым. Пуговица из номера почти наверняка принадлежит его пальто. А частица автомобильной краски из квартиры Белова совпада-

ет с покрытием машины Ратовой.

Тарнов нахмурился.

— То есть они либо встречались, либо кто-то специально перемещал предметы между двумя местами.

— Пока да. Кроме того, дочь Ратовой рассказала, что два дня назад мать неожиданно упомянула время 21:16 и сказала: «Иногда одна минута портит всю жизнь».

Тарнов подошёл к доске.

— Это уже важнее.

— Именно. 21:16 теперь связано как минимум с двумя людьми.

— Что с самой Ратовой?

— Пока ничего. Но в 14:07 её картой воспользовались в банкомате на Ленинградском проспекте. На записи человек в тёмной одежде, лицо скрыто. Похоже, мужчина. Код он знал.

— Вы считаете, что это похититель?

Клим покачал головой.

— Пока считаю только, что карта Ратовой после её исчезновения находилась у другого человека. Назвать его похитителем будет преждевременно.

Тарнов едва заметно кивнул.

— Учитесь.

— Пытаюсь.

Начальник посмотрел на стаканы на доске.

— И всё-таки объясни мне, зачем они нужны.

Клим немного помолчал.

— Пока не могу. Но в квартире Белова один стакан был с его отпечатками, второй чистый. В номере Ратовой — то же самое. Если преступник хотел скрыть своё присутствие, логично было бы убрать второй стакан вообще. Но он остаётся.

— Значит, либо стакан нужен не тому, кто его оставил, либо мы неправильно понимаем его функцию.

— Да.

— Хорошо. Продолжайте искать Ратову. Пока она не найдена, всё остальное вторично.

Тарнов уже собирался выйти, когда остановился.

— И ещё, Клим.

— Слушаю.

— Не превращай два странных эпизода в серийное дело только потому, что они красиво рифмуются.

— Я стараюсь не превращать.

— Постарайся сильнее.

После его ухода Клим ещё некоторое время сидел за столом.

В 22:38 телефон завибрировал.

Сообщение пришло с неизвестного номера.

Клим открыл.

«Она не исчезла».

Он замер.

Перечитал.

Сразу позвонил по номеру.

Недоступен.

Через несколько секунд пришло второе сообщение.

«Вы просто ещё не нашли».

Клим почувствовал, как внутри медленно поднимается холод.

Он позвал Сиверцева.

Артём вошёл, увидел экран и перестал улыбаться.

— Это уже похоже на человека, который знает, что мы делаем.

— Или на человека, который предполагает, что мы ищем её.

— Есть разница?

— Огромная. В первом случае он следит за расследованием. Во втором — просто знает, что Ратова исчезла.

Сиверцев прочитал сообщение ещё раз.

— Ты веришь, что она жива?

Клим посмотрел на фотографию женщины на доске.

— Не знаю.

Он взял маркер.

На отдельном листе написал:

«Где тело?»

Несколько секунд смотрел на слова.

Потом зачеркнул.

Сиверцев заметил.

— Почему?

— Потому что мы уже начинаем считать её мёртвой, хотя

у нас нет тела.

— После таких сообщений трудно думать иначе.

— Именно поэтому надо.

Клим написал новую фразу:

«Где Ольга Ратова?»

И отступил от доски.

Белов был мёртв.

Его история уже закончилась.

С Ратовой всё было иначе.

Она позвонила.

Исчезла.

Её карта перемещалась по городу.

Кто-то писал Климу о ней в настоящем времени.

Впервые Фрязин ясно понял, что расследует не то, что уже произошло.

Что-то продолжалось прямо сейчас.

И где-то между двумя стаканами, старым временем 21:16 и женщиной, которую они не сумели найти, начиналось дело, которое ещё не успело закончиться.

ГЛАВА III

ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ НЕ НАШЛИ

Клим проснулся от телефонного звонка и несколько секунд не мог понять, где находится.

Комната была тёмной. За окном только начинал сереть мокрый московский рассвет, а телефон на тумбочке вибрировал так настойчиво, будто человек на другом конце заранее знал, что его звонок не понравится.

На экране высветилось имя Сиверцева.

Клим сел, нащупал рукой часы.

06:17.

— Если ты сейчас решил пожелать мне доброго утра, то выбрал очень плохой способ.

— У меня новости по Ратовой, и хорошие среди них искать бесполезно, — ответил Артём. — Её нашли около сорока минут назад.

Клим окончательно проснулся.

— Скажи сразу, в каком она состоянии.

Сиверцев помолчал.

— Мёртвая.

Клим опустил ноги на пол.

Вчера в 13:44 он слышал голос Ольги Ратовой.

«Потому что у меня тоже два».

Чуть позже они вошли в её номер и не нашли там никого.

Потом была банковская карта.

Сообщения.

«Она не исчезла».

«Вы просто ещё не нашли».

Теперь нашли.

— Где?

— В белой «Шкоде» такси. Машина стоит во дворе старого бизнес-центра на Хорошёвском шоссе. Дворник заметил её ещё ночью, но сначала не придавал значения. Утром подошёл ближе и увидел женщину на заднем сиденье.

— Водитель где?

— Пока неизвестно. Машина принадлежит таксопарку, водитель на связь не выходит.

— Тело давно там?

— Эксперт пока осторожничает, но, судя по всему, не с раннего вечера. И, Клим, здесь есть ещё одна деталь, которая тебе очень не понравится.

Клим уже вставал.

— После последних суток это трудно считать предупреждением. Говори.

— Лучше увидишь сам. По телефону получится только хуже.

Связь оборвалась.

Клим несколько секунд сидел на краю кровати.

Потом встал.

На кухне он машинально нажал кнопку кофеварки и почти сразу выключил.

Кофе ждать не хотелось.

Через двенадцать минут он уже спускался во двор.

«Мазда» завелась с третьего раза.

— Только не сегодня, — сказал Клим и услышал, как двигатель наконец заработал ровнее.

Москва в этот час ещё не успела окончательно проснуться. На дорогах было непривычно свободно, редкие автобусы шли почти пустыми, а мокрые улицы отражали жёлтый свет фонарей.

Клим ехал быстро.

На очередном светофоре случайно посмотрел на часы.

06:41.

Время снова начало раздражать.

За последние сутки цифры перестали быть просто цифрами.

21:16.

13:44.

14:07.

03:17.

Он поймал себя на желании искать смысл в любом времени, которое видел.

И тут же вспомнил Веденина.

Не влюбляйся в версию.

Клим отключил часы на панели.

Во двор бизнес-центра он въехал через двадцать две минуты.

Две полицейские машины уже стояли у бетонного забора.

Белую «Шкоду» Клим увидел сразу.

Такси стояло неровно, передним колесом почти на бордюре. Задняя правая дверь была открыта. Возле машины работали криминалисты.

Сиверцев держал бумажный стакан кофе.

— Ты быстро.

— Где она?

Артём кивнул на машину.

Клим надел перчатки и подошёл.

Ольга Ратова сидела на заднем сиденье справа.

Не лежала.

Именно сидела.

Спина прижата к спинке, голова слегка наклонена к окну, руки спокойно лежат на коленях.

На ней была та же светлая блузка и тёмные брюки, в которых она вошла в гостиницу.

Пальто не было.

Оно осталось в номере.

Если не смотреть на лицо, можно было подумать, что женщина уснула.

Но лицо сразу разрушало эту иллюзию.

Кожа слишком бледная.

Губы с синеватым оттенком.

Под левым ухом виднелась маленькая тёмная точка.

Клим наклонился, не касаясь тела.

— Этот след на шее уже смотрели?

Районный эксперт подошёл ближе.

— Пока только визуально. Похоже на место инъекции, но я бы не стал утверждать до вскрытия.

— Видимых травм больше нет?

— Ничего существенного. Следов борьбы тоже пока не обнаружили. Руки чистые, ногти целы.

Клим посмотрел на часы Ратовой.

Обычные наручные.

Кольцо.

Браслет.

Украшения никто не снимал.

— Телефон и сумка при ней были?

— Нет. Документов тоже нет.

Сиверцев подошёл сбоку.

— Зато машина заперта не была. Ключей внутри тоже нет.

Клим обошёл такси.

Переднее сиденье было отодвинуто далеко назад.

На полу — пластиковая бутылка воды.

В подстаканнике лежал чек.

Клим нагнулся.

Магазин.

Вода.

Кофе.

Жевательная резинка.

Время покупки — 01:12.

— Водитель мог покупать?

— Проверяем камеры магазина, — ответил Сиверцев. —

Если повезёт, увидим лицо.

Клим снова посмотрел на Ратову.

— Когда машина въехала во двор?

— В 02:36. Камера у ворот работает.

— Кто был за рулём?

— На записи только силуэт. Лобовое стекло бликует, лицо не разобрать.

— Кто-нибудь выходил из двора после этого?

Сиверцев нахмурился.

— Машина не выезжала. Для людей есть два выхода. Один под камерой, второй через арку жилого дома. И, конечно, именно там камера уже неделю не работает.

Клим посмотрел на него.

— Иногда Москва умеет быть очень своевременной.

— Я тоже оценил.

Они подошли к служебной машине.

Сиверцев включил запись.

02:36:18.

Белая «Шкода» въезжает во двор.

За рулём человек.

Пассажирское сиденье впереди пустое.

Заднюю часть салона не разобрать.

Машина исчезает за углом здания.

— Дальше ничего?

— Там слепая зона.

— Значит, человек мог выйти из машины и уйти через арку.

— Мог. И если он не очень хотел попадать на камеры, выбрал бы именно её.

Клим смотрел запись ещё раз.

— Но если он знал, где камера не работает.

Сиверцев поставил видео на паузу.

— Ты опять начинаешь наделять неизвестного слишком хорошей подготовкой.

— Я только фиксирую возможность.

— Уже слышу Веденина в твоём голосе.

Клим усмехнулся.

— Ещё день-два, и начну раздражать тебя окончательно.

— Поздно.

Они вернулись к такси.

Клим снова почувствовал, что что-то упускает.

Он смотрел на салон.

Переднее сиденье.

Дверь.

Пол.

Руки Ратовой.

И только потом заметил прозрачный край под пассажирским креслом.

Он присел.

Под сиденьем лежал стеклянный стакан.

Обычный.

Высокий.

Пустой.

Клим ничего не сказал.

Сиверцев проследил за его взглядом.

— Вот это я и не хотел объяснять по телефону.

Клим осторожно выпрямился.

— Ты сказал, есть ещё одна деталь.

— Вторая находится в водительской двери.

Они обошли машину.

В кармане двери стоял ещё один стакан.

Тоже стеклянный.

Клим несколько секунд смотрел на него.

Потом тихо сказал:

— Значит, теперь они появляются не только там, где человек умирает или исчезает.

— Похоже.

— Не «похоже». Пока мы знаем только одно: в такси с телом Ратовой находятся два стакана. Всё остальное — наше желание связать их с предыдущими.

Сиверцев кивнул.

— Хорошо. Но я всё-таки скажу: совпадение начинает выглядеть слишком настойчиво.

Клим не спорил.

Через десять минут приехал Климовский.

Эксперт подошёл к машине, увидел Ратову, потом заметил стаканы.

— Если вы решили, что мне сегодня будет скучно, вынужден вас разочаровать.

Клим коротко объяснил ситуацию.

Климовский начал с тела.

Через несколько минут позвал их ближе.

— Прокол на шее реальный. Очень похож на инъекцию.

— Можно определить, что ввели?

— После токсикологии. Пока только предполагаю, что смерть связана с препаратом.

— Время смерти?

Климовский посмотрел на тело.

— Предварительно между полуночью и двумя часами.

Клим повернулся к Сиверцеву.

— Значит, после исчезновения из гостиницы она была жива ещё много часов.

— Если оценка времени верна.

Климовский поднял взгляд.

— Именно поэтому я сказал «предварительно». Не стройте пока хронологию с точностью до минуты.

Клим кивнул.

— Стаканы посмотрите в первую очередь.

Эксперт начал с того, что лежал под сиденьем.

Через несколько минут появились следы.

— Здесь есть отпечатки.

— Пригодные?

— Да.

Второй стакан оказался чистым.

Климовский нахмурился.

— Никаких нормальных следов. Совсем.

Сиверцев посмотрел на Клина.

— Теперь это уже третий раз.

— Это третий эпизод с одинаковой деталью, — ответил Клим. — Но пока мы ещё не знаем, почему она повторяется.

Климовский аккуратно убрал стаканы в пакеты.

— Отпечатки прогоню сразу. Если человек есть в базах, получите результат быстро.

Через сорок минут результат пришёл.

Отпечатки принадлежали Ольге Ратовой.

Клим перечитал сообщение дважды.

Один стакан держала сама Ратова.

Второй снова был чистым.

Он стоял возле машины, когда к нему подошёл Сиверцев.

— Теперь можно считать, что это система?

Клим посмотрел на него.

— Системой я бы пока назвал только то, что кто-то повторяет один и тот же элемент. Но мы всё ещё не понимаем его значения.

— Мне кажется, второй стакан должен изображать второго человека.

— Возможно.

— Ты ненавидишь это слово и всё равно используешь его каждые десять минут.

— Потому что оно лучше, чем уверенность, которой у нас нет.

Сиверцев посмотрел в салон такси.

— Тогда попробую иначе. Если второй стакан должен обо-

значать присутствие ещё кого-то, зачем его полностью очищать?

Клим ответил не сразу.

— Вот это хороший вопрос.

— Спасибо. Запиши дату.

— Я серьёзно. Если человек хотел скрыть присутствие, второй стакан нужно было убрать. Если хотел показать его — достаточно было оставить. А здесь получаем что-то промежуточное: предмет остаётся, следы исчезают.

— Значит, важен сам факт пары.

Клим посмотрел на него.

— Может быть, второй стакан вообще не предназначен для того, кого мы считаем преступником.

Сиверцев нахмурился.

— Тогда для кого?

— Пока не знаю.

Они занялись машиной.

Водителя звали Тимур Алиев, тридцать восемь лет. Работал в такси четыре года. Женат. Двое детей.

Последний официальный заказ закончился в 00:47.

После этого приложение таксопарка больше не использовалось.

Сам Алиев домой не вернулся.

Телефон выключен.

Клим слушал доклад сотрудника таксопарка, не перебивая.

— То есть после половины первого машина перестаёт работать официально, а в 02:36 появляется здесь?

— Да. И никаких заказов между этими событиями нет.

— Где закончился последний рейс?

Ему назвали адрес.

Клим отметил на карте.

Расстояние до двора — около двадцати минут на машине.

— Пассажир последнего заказа?

— Уже устанавливаем.

— И найдите жену водителя. Нужно понять, были ли у него проблемы, долги, какие-то странные звонки в последние дни.

Сиверцев посмотрел на Клима.

— Ты допускаешь, что водитель может быть причастен?

— Я допускаю, что он исчез одновременно со своей машиной. Пока этого достаточно, чтобы с ним очень захотелось поговорить.

К десяти утра тело Ратовой увезли.

Клим остался во дворе.

Сам бизнес-центр почему-то продолжал его беспокоить.

— Что здесь было раньше? — спросил он у охранника ночной смены.

Мужчина лет шестидесяти пожал плечами.

— Завод какой-то. Потом всё перестраивали.

— Вы давно работаете?

— Третий год.

— Корпуса сохранились старые?

— Этот вроде да. Его только обшили и внутри переделали.

Клим посмотрел на табличку возле служебного входа.

«Корпус 4».

— А первые три?

— Первый и второй давно снесены. На месте третьего сейчас торговый центр.

Сиверцев уже искал информацию в телефоне.

— До 2009 года здесь был Московский завод приборной автоматики.

Клим задумался.

Ничего.

Ни Белов.

Ни Ратова.

Никакой очевидной связи.

Он почти почувствовал разочарование и тут же остановил себя.

— Значит, пока считаем, что машину могли оставить здесь просто потому, что двор ночью пустой.

— Даже не попытаемся сделать из старого завода тайный смысл?

— Постараемся прожить без этого хотя бы до обеда.

На обратном пути позвонил Тарнов.

— Я уже получил краткую сводку. Теперь расскажи то, что туда не вошло.

Клим изложил детали.

Когда дошёл до стаканов, Тарнов перебил:

— На одном отпечатки Ратовой, второй снова чистый?

— Да. И это уже третий случай, когда повторяется одна и та же конструкция.

— Хорошо. Только не называйте её «почерком убийцы», пока мы не доказали, что Белов вообще был убит.

— Я понимаю.

— Что с Ратовой?

— Предварительно смерть между полуночью и двумя. Похоже на инъекцию. Значит, из гостиницы её вывели живой.

— А как вывели, вы по-прежнему не знаете.

— Пока нет.

— Тогда это одна из главных задач. Не позволяй красивой истории со стаканами заслонить простую механику: женщина исчезла из номера и оказалась ночью в такси. Между этими точками должен существовать нормальный физический маршрут.

Клим посмотрел на дорогу.

— Согласен.

— И ещё одно. Через час совещание. Привези всё, что есть по связям Белова и Ратовой.

В управление они приехали в 09:34.

В кабинете Тарнова уже ждала женщина лет тридцати пяти с ноутбуком.

— Марина Вершинина, аналитик, — представил её Тарнов. — Будет искать пересечения между Беловым и Ратовой.

Пока мы смотрели на них как на двух отдельных людей. Пора проверить, насколько это вообще верно.

Марина пожала Климу руку.

— Я уже начала. И пока самым интересным результатом оказалось полное отсутствие очевидных связей.

— То есть они не были знакомы?

— Я бы так не формулировала. Их нет в телефонных контактах друг друга, нет общих адресов, прямых деловых отношений, общих социальных сетей или родственников. Но отсутствие записи ещё не означает отсутствие знакомства.

Клим кивнул.

— Клиника Белова и компания Ратовой пересекались?

— Напрямую нет. Но я проверяю подрядчиков, страховщиков, банки, благотворительные фонды и старые проекты.

— А 21:16?

Марина открыла отдельную вкладку.

— Пока ничего. Если искать просто по времени, получаем тысячи событий.

Тарнов посмотрел на Клима.

— У тебя была мысль, что это время относится к прошлому Белова. Теперь его упоминала и Ратова. Значит, версия стала сильнее, но поиск надо сузить.

Клим подумал.

— Давайте сначала десять лет. Москва и область. Аварии, уголовные дела, чрезвычайные происшествия, больницы, крупные деловые проекты, где могли появиться оба.

Марина спокойно ответила:

— Это всё равно очень большой массив.

— Тогда начните с событий, где точное время фиксировалось документально.

Она кивнула.

— Так уже лучше.

Совещание продолжалось около сорока минут.

Клим подробно рассказал о пуговице Белова в гостиничном номере и совпадении краски с машиной Ратовой.

Тарнов долго смотрел на фотографии.

— Эти следы мне нравятся меньше всего.

Клим удивился.

— Почему?

— Потому что они слишком удобные. Пуговица одного человека у другого. Краска автомобиля второго — у первого. Если это случайный обмен, значит, они встречались. Если намеренный — кто-то очень хочет, чтобы мы увидели связь.

— В любом случае связь есть.

— Да. Но направление может быть совершенно разным. Не путай факт с объяснением факта.

Клим усмехнулся.

— Сегодня у меня ощущение, что весь отдел решил говорить голосом Веденина.

— Значит, у тебя появился шанс чему-то научиться.

После совещания Клим впервые за утро вспомнил о еде.

Сиверцев протянул ему батончик.

— Я взял два. Не потому что переживаю, а потому что знаю: если ты не поешь, к обеду начнёшь допрашивать мебель.

Клим развернул упаковку.

— Трогательная забота.

— Не привыкай. У меня репутация.

Через двадцать минут пришли первые результаты вскрытия Ратовой.

Климовский позвонил сам.

— Причина смерти почти понятна. В крови сильнодействующий миорелаксант. В достаточной дозе он блокирует дыхательную мускулатуру.

Клим сразу спросил:

— Человек остаётся в сознании?

— Некоторое время может оставаться.

Клим представил Ратову в машине.

— Значит, она понимала, что не может дышать.

— Вероятно.

— Сколько времени от введения до смерти?

— Зависит от дозы, состояния организма и способа введения. Несколько минут вполне реально.

— Этот препарат свободно достать нельзя?

— Официально — нет. Используется в медицинских учреждениях.

Клим посмотрел на фотографию Белова на доске.

— В клинике Белова?

— Сейчас проверяю.

Ответ пришёл меньше чем через полчаса.

Препарат там действительно использовался.

Более того, три недели назад внутренняя проверка выявила недостачу нескольких ампул.

Клим медленно отложил телефон.

Сиверцев сразу понял по лицу.

— Что-то появилось?

— Препарат, которым убили Ратову, есть в клинике Белова. Три недели назад пропало несколько ампул.

Артём присвистнул.

— Это уже не просто фон.

— Нет. Но доступ к препарату могли иметь десятки людей.

— Зато теперь Белов и Ратова связаны ещё одним пунктом.

Клим посмотрел на доску.

Связей становилось всё больше.

И это начинало беспокоить.

Слишком быстро.

Слишком стройно.

Через час Марина вошла с ноутбуком.

— Кажется, есть первое реальное пересечение.

Клим встал.

— Что именно?

— Семь лет назад компания, где работала Ратова, финан-

сировала строительство медицинского центра на северо-западе Москвы.

— Клиника Белова?

— Нет. Но Белов проходил по проекту как медицинский консультант.

Клим посмотрел на неё внимательнее.

— Они могли встречаться?

— Пока не доказано. Но оба официально участвовали в одном проекте.

— Что с центром?

— Строительство остановили после серьёзного происшествия.

— Какого?

Марина развернула экран.

Старая новостная заметка.

Строительная площадка.

Полицейская лента.

Машина скорой помощи.

— Возле стройки автомобиль сбил молодую женщину. Она позже умерла в больнице.

Клим почувствовал, как внутри что-то медленно сдвинулось.

— Дата?

Марина назвала.

— Время происшествия?

— Точного в заметке нет. Но первый звонок в экстренные

службы зарегистрирован в 21:18.

Клим замер.

Сиверцев тоже перестал улыбаться.

— Две минуты.

Клим продолжал смотреть на экран.

— Это ещё ничего не доказывает. Авария могла произойти в 21:17, в 21:15 или вообще раньше.

— Поэтому я запросила старое дело.

— Где находилась стройка?

Марина назвала адрес.

Клим открыл карту.

Несколько секунд смотрел.

Потом увеличил.

Сиверцев подошёл ближе.

Место старой стройки находилось в двух кварталах от двора, где утром нашли такси с Ратовой.

— Вот это уже интереснее, — сказал Артём.

Клим не ответил.

Слишком много совпадений снова начинали выстраиваться в линию.

Он позвонил Веденину.

Тот ответил не сразу.

— Надеюсь, ты звонишь не для того, чтобы рассказать, что всё уже понял.

— Наоборот. Хочу проверить, насколько быстро я сейчас ошибусь.

Клим изложил найденное.

Веденин выслушал спокойно.

— Красиво.

— Вам не нравится.

— Очень нравится. Поэтому и не нравится.

Клим усмехнулся.

— Объясните.

— Ты искал событие около 21:16. Нашёл аварию около этого времени. Белов связан с проектом. Ратова тоже. Тело Ратовой нашли рядом с местом старой аварии. Если ещё окажется, что погибшая девушка приходилась кому-то близкой, у тебя получится почти готовый мотив.

— Именно.

— А теперь попробуй доказать, что авария вообще не имеет отношения к нынешним смертям.

— Зачем?

— Потому что если не сможешь, версия станет сильнее. А если сможешь, сэкономишь себе несколько дней охоты за красивым призраком.

Клим молчал.

— Понял.

— И ещё. Найди не только то, что связывает Белова и Ратову с аварией. Найди то, что разделяет их. Люди редко оказываются одинаково виноваты в одном и том же.

Фраза зацепилась.

— Хорошо.

— И не называй пока никого виноватым.

— Борис Андреевич, вы умеете испортить почти любую хорошую версию.

— Это одна из причин, почему меня до сих пор держат на работе.

После разговора Клим с Сиверцевым поехали к месту старой стройки.

Теперь там стоял современный жилой комплекс.

Три башни.

Подземный паркинг.

Кофейня.

Аптека.

Ничего от старого объекта почти не осталось.

Клим вышел из машины.

— Где именно произошло ДТП?

Сиверцев сверился со схемой.

— Примерно у этого перекрёстка.

Клим посмотрел на дорогу.

Машины.

Светофор.

Пешеходы.

Совершенно обычное место.

Семь лет назад здесь лежала умирающая девушка.

— Имя нашли?

— Да. Елена Андреевна Дорохова. Двадцать три года.

— Водитель?

— Скрылся. Официально не установлен.

— Свидетели?

— Были. Дело закрыли через восемь месяцев из-за недостатка доказательств.

Клим повернулся.

— Белов проходил?

— Сейчас смотрю.

Сиверцев пролистал документы в телефоне.

— В качестве свидетеля — нет.

— Ратова?

— Тоже нет.

Клим почувствовал первое разочарование.

— Значит, связь пока косвенная.

Сиверцев продолжил читать.

— Подожди. Девушку привезли в больницу в 22:07.

— Почти через час после аварии?

— Да.

— Первая скорая?

— Вызов зарегистрирован в 21:18, прибытие бригады — 21:31.

— Какая больница?

Сиверцев назвал.

Клим сразу понял.

— Проверь Белова.

Ответ нашёлся почти мгновенно.

Семь лет назад Антон Белов работал именно там.

В тот вечер он был дежурным врачом приёмного отделения.

Клим некоторое время молчал.

Теперь связь была уже не административной.

Белов видел погибшую.

Возможно, пытался её спасти.

Возможно, не успел.

— Вот теперь авария действительно входит в дело, — сказал Сиверцев.

— Входит. Но пока только через Белова.

— Ратова всё равно связана со стройкой.

— Это не означает, что она была на месте.

— Но она знала про 21:16.

Клим кивнул.

— Вот это важнее.

Они вернулись в управление.

Старое дело уже успели оцифровать и прислать частично.

Клим сел за стол.

Потерпевшая: Елена Андреевна Дорохова.

Двадцать три года.

Причина смерти — тяжёлая сочетанная травма и внутреннее кровоотечение.

Предполагаемое время ДТП: 21:15–21:17.

Клим остановился.

21:16 находилось ровно посередине.

Он перечитал показания одного из очевидцев.

Мужчина услышал удар примерно в 21:16.

Когда подошёл, автомобиль уже исчез.

Девушка лежала у обочины.

Клим почувствовал неприятное напряжение.

Вот оно.

Впервые 21:16 перестало быть просто загадочной цифрой.

Стало минутой.

Конкретной.

Живой.

— Артём.

Сиверцев подошёл.

Клим показал строку.

— Это почти наверняка то самое время.

— Теперь я бы тоже так сказал.

— Почти.

— Даже сейчас?

— Особенно сейчас.

Они продолжили читать.

Скорая приехала через тринадцать минут.

До больницы добирались долго из-за пробки и состояния девушки.

В 23:42 Елена Дорохова умерла.

Дежурный врач — Антон Сергеевич Белов.

Клим обвёл фамилию.

Затем проверил Ратову.

Её в материалах не было.

Ни одного упоминания.

Марина принесла дополнительные документы по компании-застройщику.

— Ратова действительно работала в проекте. На тот момент была заместителем финансового директора.

— В ночь аварии она находилась на объекте?

— По официальным документам — нет.

— Где была?

— Пока неизвестно.

— Хорошо. Значит, не делаем из неё участницу происшествия только из-за должности.

Марина кивнула.

— Я уже начала искать служебные журналы, командировки и старые платежи. Может быть, появится что-то ещё.

Через некоторое время она вернулась снова.

На этот раз с фотографией.

— Есть кое-что свежее. И мне кажется, это важнее старых документов.

Клим посмотрел на экран.

Ресторан.

Белов сидит за столом напротив Ратовой.

Дата — три недели назад.

Клим приблизил изображение.

— Они всё-таки знали друг друга.

— Да. Камеры ресторана фиксируют их встречу почти на час.

— Кто бронировал стол?

— Ратова.

— Кто платил?

— Белов.

— Телефонные звонки перед встречей?

— По обычным номерам — нет.

Клим долго смотрел на кадр.

Ратова сидела напряжённо.

Белов что-то объяснял.

— Дата совпадает с пропажей препарата из клиники?

Марина кивнула.

— Тот же день.

Сиверцев выдохнул.

— Теперь это уже выглядит почти слишком хорошо.

Клим повернулся к нему.

— Именно.

— Ты снова недоволен?

— Потому что у нас внезапно появилось слишком много удобных связей.

— Иногда дело просто раскрывается.

— Иногда. Но я пока не готов в это поверить.

К шести вечера у них уже была первая рабочая схема.

Белов.

Ратова.

Елена Дорохова.

21:16.

Встреча три недели назад.

Пропавший препарат.

Старая авария.

Пуговица.

Краска.

Два стакана.

Тарнов смотрел на доску молча.

Потом сказал:

— Всё выглядит так, будто семь лет назад произошло что-то, о чём Белов и Ратова предпочли забыть, а теперь кто-то заставляет их вспоминать.

Клим кивнул.

— Пока это самая логичная версия.

— Именно поэтому она опасная.

Клим усмехнулся.

— Сегодня это, кажется, главная фраза отдела.

— Потому что вы все слишком любите логику, когда она начинает лстить.

Тарнов подошёл к фотографии Елены.

— Родственники?

Марина ответила:

— Родители умерли. Есть старший брат — Сергей Дорохов, тридцать четыре года.

— Где он сейчас?

— Вот здесь начинается проблема. По последнему адресу не живёт. Квартиру продал два года назад. С работы уволил-

ся год назад. Текущего официального места нет.

Клим спросил:

— Чем занимался?

Марина посмотрела в записи.

— Инженер по системам безопасности.

В комнате стало тише.

Сиверцев первым произнёс:

— Камеры, электронные замки, системы доступа?

— В том числе.

Клим почувствовал, как версия буквально сама делает шаг вперёд.

Слишком красивый шаг.

— Он после смерти сестры пытался добиться возобновления дела?

Марина кивнула.

— Несколько лет. Писал жалобы, нанимал частного эксперта, утверждал, что расследование провели плохо. Потом обращения прекратились.

— Белов фигурирует в жалобах?

— Прямо нет. Но брат отдельно обвинял больницу в том, что сестра потеряла слишком много времени до операции.

Клим посмотрел на Тарнова.

— Нам нужно его найти.

— Найдём. Но пока это свидетель и родственник погибшей, не убийца.

— Я понимаю.

— Хорошо. Потому что профессия у него слишком удобная. А удобные совпадения, как вы сегодня уже успели понять, требуют двойной проверки.

Клим вернулся к себе.

На доске появилась ещё одна фамилия:

Сергей Дорохов.

Рядом он поставил знак вопроса.

Не «подозреваемый».

Не «убийца».

Просто вопрос.

За окном окончательно стемнело.

Клим смотрел на схему и чувствовал, что впервые дело стало чуть менее бесформенным.

У неизвестности появился контур. Но не лицо. И это было правильно.

Телефон завибрировал. Неизвестный номер. Клим сразу взял аппарат.

Сообщение. Фотография. Он открыл.

Обычный деревянный стол. Два стакана. В одном вода. Второй пустой.

Ни лица. Ни рук. Ни человека. Только часть стены и окно на заднем плане.

Клим встал.

— Артём!

Сиверцев появился через несколько секунд.

— Что случилось?

Клим молча показал экран. Артём перестал улыбаться.

— Только что пришло?

— Да.

— Метаданные?

— Отправляю техникам.

Клим увеличил фотографию.

На стекле окна было отражение вывески. Несколько букв.

Неясных.

«...РМА...»

Или «...РМАЦ...»

Сиверцев наклонился ближе.

— Похоже на «Фармация».

— Возможно.

— Аптека?

— Скорее вывеска напротив.

Телефон снова завибрировал. Второе сообщение.

Всего четыре цифры:

«23:00».

Они переглянулись. На часах было 21:47.

Сиверцев тихо сказал:

— В прошлый раз 21:16 указывало назад. Это уже похоже на время впереди.

Клим смотрел на два стакана.

Впервые неизвестный оставлял след не после события.

А до него.

Возможно.

— Поднимай техников. Ищи место по фотографии. Вывеска, окно, мебель, всё, что можно вытянуть.

В работу включили дежурную группу.

Старые панорамы. Карты. Фотографии фасадов. Сеть аптек. Кафе напротив.

В 22:21 отсеяли первый адрес. Не совпадала форма окна.

В 22:34 второй. Столы другие.

В 22:41 Марина принесла ещё несколько вариантов.

В 22:44 Сиверцев внезапно остановился.

— Кажется, нашёл.

На экране было небольшое кафе. Через улицу — аптека с большой вывеской «ФАРМАЦИЯ».

Окно совпадало. Стол тоже.

Клим уже надевал куртку.

— Адрес.

Навигатор показывал двадцать одну минуту.

На часах было 22:46.

— У нас четырнадцать минут, — сказал Сиверцев, садясь в машину.

— Значит, поедem быстрее.

Они шли с сиреной.

22:51.

22:54.

22:57.

Впереди появилась вывеска.

«ФАРМАЦИЯ».

Клим бросил машину почти у тротуара.

22:59.

Они вбежали в кафе. Посетители обернулись.

Клим сразу увидел стол у окна. Тот самый. На нём стояли два стакана. Один пустой. Во втором вода.

Стул напротив был отодвинут. За столом никого.

Клим подошёл к официанту.

— Полиция. За этим столом кто-нибудь сидел последние десять минут?

Парень побледнел.

— Женщина. Она только что ушла.

— Как выглядела?

— Светлое пальто, тёмные волосы. Молодая.

— Куда пошла?

Официант показал через окно.

— В сторону перекрёстка.

Клим выбежал. На улице былолюдно. Он увидел светлое пальто примерно в сорока метрах.

— Девушка! Полиция! Остановитесь!

Она не сразу обернулась. Клим побежал. Женщина дошла до края дороги.

Он был уже совсем близко, когда с парковочного кармана резко выехал тёмный автомобиль.

Фары. Рывок. Женщина инстинктивно шагнула назад.

Машина пронеслась мимо и исчезла за поворотом.

Клим подскочил к ней и оттащил подальше от проезжей

части.

— Вы не пострадали?

Она вырвала руку.

— Что происходит? Вы кто вообще?

Клим показал удостоверение.

— Следственный отдел. Мне нужно, чтобы вы сейчас не уходили и спокойно ответили на несколько вопросов.

Сиверцев подбежал через несколько секунд.

— Машина?

— Ушла. Номер не успел увидеть.

Клим повернулся к женщине.

— Как вас зовут?

— Анна Лосева.

Фамилия показалась знакомой. Клим несколько секунд пытался вспомнить.

Потом понял. Старое дело. Показания свидетелей.

Он смотрел на женщину.

— Вы семь лет назад были свидетелем аварии, в которой погибла Елена Дорохова?

Лицо Анны изменилось.

Не сильно.

Но достаточно.

— Откуда вы знаете?

— Ответьте, пожалуйста. Это сейчас очень важно.

Она отвела взгляд.

— Да. Я была там.

Клим почувствовал, как расстояние между сегодняшним делом и старой аварией сокращается ещё на один шаг.

— Вы знали Антона Белова и Ольгу Ратову?

Анна резко посмотрела на него.

— Что с ними?

— Они оба мертвы.

Женщина побледнела. Несколько секунд молчала.

Потом тихо сказала:

— Господи.

Клим не торопил.

— Анна, мне нужно понять, почему два человека, связанные с той аварией, погибли почти одновременно. И почему сегодня кто-то оставил два стакана там, где сидели вы.

Она посмотрела через дорогу на окно кафе. На стол. На воду.

Плечи едва заметно дрогнули.

— Я не хочу об этом говорить здесь.

— Тогда поедem с нами. Но прежде скажите хотя бы одно: вы знали Белова и Ратову лично?

Анна закрыла глаза.

— Да.

— Через аварию?

Она открыла глаза. В них был настоящий страх.

— Мы все были там.

Клим замер.

— Кто именно?

Анна посмотрела на часы над аптекой.

23:02.

— Не только те, кого записали в протокол.

Телефон Клима завибрировал. Неизвестный номер.

Он открыл сообщение.

Всего одна строка:

«На этот раз вы почти успели».

Клим перечитал. Потом поднял глаза. Анна Лосева стояла перед ним живая.

Тёмная машина исчезла.

Улица снова выглядела обычной.

И впервые Клим почувствовал не страх. Злость. Он действительно почти успел.

Не предотвратить смерть — здесь он успел. Но человека в тёмной машине снова не увидел.

И разница между ними теперь измерялась уже не днями. Даже не часами.

Минутами.

ГЛАВА IV

ТЕ, КОГО НЕ БЫЛО В ПРОТОКОЛЕ

Анна Лосева отказалась садиться в полицейскую машину.

Не категорически, не со скандалом. Просто посмотрела на тёмный седан, стоявший у тротуара, потом на Клима и

сказала:

— Я поеду с вами, но на своей машине. После того, что сейчас произошло, мне почему-то совсем не хочется оставлять её здесь.

Клим посмотрел вдоль улицы.

Тёмный автомобиль давно исчез.

На перекрёстке снова шёл обычный московский поток. Такси, автобусы, люди переходили дорогу, кто-то остановился возле аптеки, кто-то фотографировал витрину кафе, не подозревая, что несколько минут назад здесь едва не произошло убийство.

Если это вообще была попытка убийства.

Клим всё чаще заставлял себя добавлять эту оговорку.

— Сегодня вы никуда одна не поедете, — сказал он. — Машину заберём позже. Сейчас я не знаю, кто сидел за рулём того автомобиля и была ли его целью именно вы. Но проверять это второй раз мне не хочется.

Анна посмотрела на него внимательнее.

— Вы думаете, меня хотели сбить?

— Я думаю, машина появилась слишком вовремя. Этого достаточно, чтобы проявить осторожность.

— Тогда почему она меня не сбила?

Вопрос был разумный.

Сиверцев, стоявший рядом, ответил раньше Клим:

— Возможно, водитель не рассчитывал, что вы отойдёте. Возможно, его целью вообще было напугать. А возмож-

но, мы сейчас придаём обычному дорожному хамству слишком большое значение. Именно поэтому лучше сначала разобратся.

Анна перевела взгляд на него.

— Вы всегда разговариваете так, будто оставляете себе сразу три выхода?

— Нет. Иногда четыре.

На лице женщины мелькнуло что-то похожее на улыбку, но сразу исчезло.

— Хорошо. Поеду с вами.

Клим попросил дежурную группу забрать её машину и проверить камеры вокруг кафе.

Особенно тёмный автомобиль.

Марку он не рассмотрел.

Седан или небольшой кроссовер.

Фары узкие.

Цвет чёрный или тёмно-синий.

Номер — ни одной цифры.

Слишком мало.

Через двадцать минут они были в управлении.

Анну провели не в комнату допросов, а в небольшой кабинет на втором этаже.

Клим сознательно выбрал его.

Обычный стол.

Три стула.

Окно.

Никакого зеркала на стене, никакой подчёркнутой официальности.

Сиверцев принёс воду.

Анна посмотрела на стакан и не взяла.

Клим заметил.

Она тоже поняла, что он заметил.

— После сегодняшнего я, наверное, ещё долго буду смотреть на стаканы с подозрением.

— Это понятно.

— Нет, — сказала Анна. — Вы не понимаете.

Клим сел напротив.

— Тогда объясните.

Она посмотрела на Сиверцева.

— Он останется?

— Артём работает со мной. Всё, что вы скажете мне, всё равно будет известно ему.

Анна медленно кивнула.

Несколько секунд она собиралась с мыслями.

— Когда вы сказали, что Белов и Ратова мертвы, я сначала решила, что вы пытаетесь меня напугать.

— Зачем?

— Чтобы заставить говорить.

— Нам не нужно вас пугать. Сегодня кто-то уже сделал это гораздо убедительнее.

Анна опустила глаза.

— Вы действительно считаете, что смерть Белова связана

с той аварией?

— Мы считаем, что такая связь возможна. Он был дежурным врачом в больнице, куда доставили Елену Дорохову. Ратова работала в компании, финансировавшей объект рядом с местом ДТП. Кроме того, оба независимо упоминали время 21:16.

Анна вздрогнула едва заметно.

Клим продолжил:

— А теперь выясняется, что вы тоже были там. Причём несколько минут назад вы сказали фразу, которой нет ни в одном официальном документе: «Мы все были там».

Она подняла глаза.

— Я сказала лишнее.

— Возможно. Но именно это лишнее сейчас может спасти вам жизнь.

Анна отвернулась к окну.

На улице начинал накрапывать дождь.

— Семь лет назад всё было гораздо проще, чем вам сейчас кажется.

— Обычно так говорят о событиях, которые потом старались забыть.

Она посмотрела на Клима.

— А вы всегда разговариваете как следователь?

— Только на работе.

— А вне работы?

Сиверцев вмешался:

— Вне работы он разговаривает с машиной.

Клим повернулся к нему.

— Спасибо.

— Хотел немного разрядить обстановку.

Анна снова едва улыбнулась.

На этот раз улыбка задержалась чуть дольше.

Потом исчезла.

— В тот вечер на стройке проходила встреча. Неофициальная.

Клим не достал блокнот сразу.

Не хотел ломать момент.

— Какая встреча?

— Объект сильно отставал от графика. Деньги уходили быстрее, чем предполагалось. Были проблемы с подрядчиком, оборудованием, разрешениями. Собрались несколько человек, чтобы обсудить, стоит ли вообще продолжать проект.

— Вы там работали?

— Нет. Я была помощником юриста у компании, которая сопровождала строительство.

— Значит, именно поэтому оказались на объекте.

— Да.

— Белов тоже присутствовал?

Анна медленно кивнула.

— Его пригласили как будущего руководителя одного из медицинских направлений центра. Он должен был оценить,

какие помещения нужно сохранить в проекте, а от каких можно отказаться.

— Ратова?

— Представляла инвестора.

— Получается, вы трое действительно находились возле стройки в тот вечер.

— Да.

Клим почувствовал, как одна из старых догадок наконец превращается в факт.

Но голос сохранил спокойным.

— Почему ваших имён нет в протоколе свидетелей?

Анна долго молчала.

— Потому что к тому моменту, когда приехала полиция, нас там уже не было.

— Вы уехали после аварии?

— Да.

— Все?

— Почти все.

Сиверцев чуть подался вперёд, но Клим заметил и едва заметно остановил его взглядом.

— Анна, я не хочу вытягивать из вас каждое имя по одному. Вы уже знаете, что два человека из той компании мертвы. Сегодня неизвестный заранее прислал фотографию стола, за которым сидели вы. Если существует список людей, присутствовавших в тот вечер, нам нужен он целиком.

Она посмотрела на воду перед собой.

— Нас было шестеро.

Клим почувствовал, как число легло в сознание слишком тяжело.

Шестеро.

— Назовите тех, кого помните.

— Я помню всех.

— Тогда тем более.

Анна сцепила руки.

— Антон Белов. Ольга Ратова. Я. Денис Вересов — он представлял подрядчика. Виктор Нестеров — инженер проекта. И Кирилл Ярцев, юрист инвестора.

Клим записал фамилии.

Три новых человека.

Не больше.

Пока достаточно.

— Все шестеро находились на стройке в момент аварии?

Анна не ответила сразу.

— Мы были рядом.

— Это не совсем то же самое.

— Я знаю.

— Елена Дорохова была знакома кому-то из вас?

— Нет.

Слишком быстро.

Клим отметил.

— Вы уверены?

— Мне она была незнакома.

— Я спросил не только о вас.

Анна посмотрела на него.

— Насколько я знала тогда, никто из нас её раньше не видел.

— Что произошло после того, как машину занесло на перекрёстке?

Анна побледнела.

— Я не видела удара.

— Но слышали?

— Да.

— Вы находились внутри здания?

— В временном офисе. Это был строительный вагончик возле забора. Мы уже заканчивали встречу. Потом раздался удар.

Клим представил место семь лет назад.

Темнота.

Ноябрь.

Стройка.

Вагончик.

Шесть человек.

— Кто первым вышел?

— Нестеров.

— Остальные?

— Почти сразу за ним.

— И вы увидели Елену?

Анна кивнула.

— Она лежала на дороге.

— Машина?

— Уже уезжала.

Клим поднял глаза.

Это противоречило показаниям официального свидетеля, который утверждал, что подошёл уже после исчезновения автомобиля.

— Вы видели автомобиль?

Анна поняла значение вопроса.

— Только задние огни.

— Цвет?

— Тёмный.

— Марка?

— Нет.

— Номер?

— Я не разглядела.

— Кто-нибудь из остальных мог разглядеть?

Она отвела взгляд.

— Не знаю.

Клим не стал давить сразу.

— Что произошло дальше?

— Кто-то побежал к девушке. Кто-то начал звонить.

— Кто именно?

— Я не помню.

— Анна, семь лет спустя вы помните точное время до минуты, но не помните, кто вызвал скорую?

Она резко посмотрела на него.

— Потому что время мне потом напоминали много раз.

— Кто?

Молчание.

Вот здесь появилась стена.

Клим почувствовал её почти физически.

— Хорошо. Тогда иначе. В официальных документах первый вызов в экстренную службу зарегистрирован в 21:18 от человека по фамилии Корнев. Вы говорите, что шестеро взрослых людей находились рядом с пострадавшей раньше него. Никто из вас не позвонил?

Анна провела ладонью по лицу.

— Всё произошло очень быстро.

— Две минуты — это быстро.

— Вы сейчас знаете эти минуты по протоколу. Тогда никто не стоял с секундомером.

— Но 21:16 вы запомнили.

Анна ничего не сказала.

Сиверцев впервые заговорил серьёзно:

— Анна, мы не расследуем сейчас ту аварию. По крайней мере пока. Нам нужно понять, почему спустя семь лет кто-то убивает людей, находившихся рядом с ней. Если в тех двух минутах произошло что-то важное, скрывать это сейчас опаснее, чем тогда.

Она посмотрела на него.

— Вы думаете, всё было из-за двух минут?

— Мы пока вообще не знаем, из-за чего всё началось.

— Тогда вы ищете не там.

Клим сразу почувствовал изменение.

— Почему?

Анна поняла, что опять сказала лишнее.

— Я не это имела в виду.

— Именно это. Вы не сказали: «Вы ошибаетесь». Вы сказали: «Ищете не там». Значит, у вас есть представление, где нужно искать.

Она встала.

— Я хочу уйти.

Клим не препятствовал.

— Вы можете уйти. Вы здесь не задержаны. Но прежде подумайте о том, что сегодня неизвестный человек знал, где вы будете находиться в 23:00.

Анна застыла.

— Я сама не знала.

Клим медленно поднялся.

— Что значит — не знали?

Она повернулась.

— Я не собиралась идти в то кафе.

В комнате стало тихо.

— Тогда как вы там оказались?

Анна снова села.

Теперь страх на её лице был другим.

Не страх воспоминания.

Настоящий.

Сегодняшний.

— Около девяти вечера мне пришло сообщение от Кирилла.

— Ярцева?

— Да. Он написал, что хочет поговорить о Белове.

Клим почувствовал, как схема снова сдвинулась.

— Вы уже знали о смерти Белова?

— Увидела утром в новостях. Только там ничего не было про убийство. Написали, что известного врача нашли мёртвым дома.

— И Ярцев предложил встречу?

— Он написал: «Нам нужно наконец поговорить. В 22:30. Место пришлю позже».

— Вы ему ответили?

— Да.

— Что именно?

— Спросила, почему сейчас. Он написал, что Ратова перестала отвечать.

Клим переглянулся с Сиверцевым.

— То есть Ярцев знал об исчезновении Ратовой раньше, чем это стало известно публично.

— Наверное.

— Во сколько он прислал адрес кафе?

— Примерно в десять.

— Со своего обычного номера?

Анна достала телефон.

— Вот.

Клим взял аппарат.

Переписка была на месте.

Кирилл Ярцев.

Сообщения действительно существовали.

21:03.

«Нам надо поговорить. Сегодня».

21:06.

«Почему сейчас?»

21:08.

«Белов умер. Ольга не отвечает. Не нравится мне это».

21:10.

«Что ты хочешь?»

21:12.

«Вспомнить, о чём мы семь лет молчали».

Клим остановился.

Вот она.

Почти прямая фраза.

21:41.

Адрес кафе.

22:30.

Анна ответила:

«Хорошо».

— Почему вы приехали позже?

— Стояла в пробке. Потом минут десять сидела в машине

и думала, уходить или всё-таки идти.

— Ярцев пришёл?

— Нет.

— Вы звонили ему?

— Несколько раз. Телефон был недоступен.

Клим посмотрел на Сиверцева.

— Найди Ярцева немедленно.

Артём вышел, уже набирая номер.

Клим вернул телефон Анне.

— Почему вы не рассказали это сразу?

— Потому что не понимала, насколько всё серьёзно. Потом вы сказали про Белова и Ратову, и я испугалась.

— Вы продолжаете скрывать часть истории.

Она устало посмотрела на него.

— Да.

Признание прозвучало неожиданно спокойно.

Клим сел обратно.

— Тогда расскажите хотя бы почему.

Анна долго молчала.

— Потому что семь лет назад мы сделали очень плохую вещь.

— Что именно?

— Я пока не могу.

— Два человека уже мертвы.

— Я знаю.

— Сегодня могли погибнуть вы.

— Я тоже это понимаю.

— Тогда чего вы боитесь больше?

Анна посмотрела ему прямо в глаза.

— Того, что если я расскажу всё, вы решите, что убийца прав.

Клим не ожидал.

Несколько секунд молчал.

— Убийство двух людей не становится правильным из-за того, что они совершили ошибку семь лет назад.

— Вы не знаете, что это была за ошибка.

— Тогда дайте мне возможность узнать.

Анна покачала головой.

— Не сейчас.

Клим почувствовал раздражение.

Но удержал.

Давить сильнее было бесполезно.

— Хорошо. Тогда начнём с того, что вы всё-таки готовы сказать. После аварии кто-то из шестерых остался возле Елены?

Анна помолчала.

— Белов.

— Почему?

— Он был врачом.

— Остальные уехали?

— Да.

— До приезда полиции?

— Да.

— А Белов потом тоже не сообщил, что был свидетелем?

— Нет.

— Почему?

Анна стиснула пальцы.

— Это был общий договор.

— Чей?

— Всех.

— О чём?

— Не говорить, что мы находились там до того, как появился Корнев.

Вот наконец первое настоящее признание.

Клим говорил тихо:

— То есть официальное следствие не знало, что шесть человек видели место аварии практически сразу после удара.

— Да.

— И это не случайность. Вы сознательно это скрыли.

— Да.

— Почему?

Анна посмотрела в окно.

— Потому что кто-то сказал, что иначе у каждого из нас будут проблемы.

— Кто?

Она снова замолчала.

— Ратова?

— Нет.

— Белов?

— Нет.

Клим заметил, как она отвечает.

На отрицания — быстро.

На имя человека, которого боится назвать, — молчанием.

— Вересов?

Анна посмотрела на него.

Слишком короткая реакция.

Но была.

— Я не буду сейчас называть человека.

— Вы уже почти назвали.

— Тогда считайте, что вам показалось.

Дверь открылась.

Сиверцев стоял на пороге.

По его лицу Клим сразу понял: что-то произошло.

— Извини. Нужно на минуту.

Клим вышел в коридор.

Артём прикрыл дверь.

— Ярцев дома не был со вчерашнего дня. Телефон выключен.

— Работа?

— Сегодня не появлялся. Секретарь говорит, вчера ушёл около семи вечера и больше ни с кем не связывался.

— Машина?

— Подземный паркинг у офиса. Не выезжала.

Клим почувствовал знакомый холод.

— Адрес квартиры?

— Уже отправил группу.

— Сам поеду.

— Клим, есть ещё кое-что.

Сиверцев показал экран.

— Переписка с Анной шла с номера Ярцева. Но технический отдел предварительно говорит, что сообщения отправлялись через веб-версию мессенджера.

— Это что-то меняет?

— Может. Если у кого-то был доступ к его аккаунту, Ярцев мог вообще ничего ей не писать.

Клим посмотрел на дверь кабинета.

Анна приехала на встречу, назначенную человеком, который, возможно, уже исчез.

Там её ждали два стакана.

А потом машина.

— Когда веб-сессия была активирована?

— Проверяют.

— Не говори Анне пока.

— Почему?

— Потому что она и так боится. Сначала разберёмся, действительно ли писал Ярцев.

Они вернулись.

Анна сразу посмотрела на Клина.

— С ним что-то случилось?

— Пока мы просто не можем с ним связаться.

— Значит, случилось.

— Почему вы так решили?

Она медленно покачала головой.

— Потому что всё начинается снова.

Клим сел.

— Что именно начинается снова?

— Вы думаете, семь лет назад мы договорились один раз и после этого забыли друг друга. Нет. Первые месяцы мы постоянно созванивались. Проверяли, не появился ли новый свидетель, не нашли ли машину, не вызвали ли кого-то из нас на допрос.

— Кто организовывал эти разговоры?

Анна замялась.

— Ярцев.

Клим отметил.

— А потом?

— Постепенно всё затихло. Следствие закрыли. Мы перестали встречаться. Через несколько лет почти никто ни с кем не общался.

— До последних недель?

Она посмотрела на него.

— Да.

— Что изменилось?

— Пришло письмо.

Вот это было новым.

— Какое письмо?

— Обычный конверт. Без обратного адреса.

— Когда?

— Почти месяц назад.

— Что было внутри?

Анна встала, подошла к сумке и достала кошелёк.

Из внутреннего кармана вынула сложенный лист бумаги.

Клим посмотрел с удивлением.

— Вы носите его с собой?

— Последнюю неделю — да.

Она протянула лист.

Клим надел перчатки.

Белая бумага.

Одна напечатанная строка.

«ВЫ ПОМНИТЕ, КОТОРЫЙ БЫЛ ЧАС?»

Ни подписи.

Ни даты.

Клим перевернул.

Пусто.

— Почему вы не сообщили полиции?

Анна усмехнулась без веселья.

— И что бы я сказала? Семь лет назад я скрыла своё присутствие на месте аварии, а теперь получила странное письмо?

— Например, именно это.

— Тогда я ещё не знала, что кто-то начнёт умирать.

— Белов и Ратова тоже получили такие письма?

— Не знаю. Но после своего я позвонила Ратовой.

— И?

Анна посмотрела на него.

— Она сказала, чтобы я выбросила письмо и забыла.

— А Белов?

— Я с ним не разговаривала.

— Кто ещё из шестерых получил?

— Ярцев сказал, что ему тоже пришло.

— Вересов?

— Не знаю.

— Нестеров?

— Не знаю.

Клим передал лист Сиверцеву.

— Упакуй. Отпечатки, принтер, бумага, почтовые следы

— всё.

Анна тихо сказала:

— Вы думаете, это начало?

Клим посмотрел на неё.

— Пока я думаю, что кто-то начал напоминать вам о той ночи примерно месяц назад. А спустя несколько недель умер Белов, исчезла Ратова, а вам назначили встречу в месте, которое заранее было известно неизвестному.

— И Ярцев теперь тоже исчез.

— Пока мы этого не знаем.

— Вы очень стараетесь не произносить вслух то, что уже думаете.

Клим ответил спокойно:

— Это одна из немногих полезных привычек, которые я успел приобрести за последние два дня.

Телефон зазвонил.

Группа у квартиры Ярцева.

Клим ответил.

Слушал около минуты.

Потом спросил:

— Дверь повреждена?

Ему ответили.

— Следы борьбы есть?

Ещё несколько секунд.

Лицо Клим изменилось.

Сиверцев увидел.

— Что там?

Клим закончил разговор.

— Ярцева дома нет. Квартира закрыта. Внутри порядок.

Анна выдохнула.

Но Клим продолжил:

— На кухонном столе стоят два стакана.

Она закрыла глаза.

В кабинете стало тихо.

Сиверцев медленно сказал:

— Один с отпечатками?

Клим повернулся к нему.

Артем сам понял и усмехнулся краем рта.

— Ладно. Не начинаю.

Клим посмотрел на Анну.

— Вы останетесь здесь под охраной. Сейчас это уже не просьба из вежливости, а нормальная мера безопасности.

— Вы думаете, я следующая?

— Сегодня кто-то уже сделал достаточно, чтобы я не хотел проверять это предположение.

Они выехали к Ярцеву через пять минут.

По дороге позвонил Тарнов.

Клим рассказал о шестерых, неофициальной встрече, письмах и исчезновении Ярцева.

Начальник некоторое время молчал.

— То есть теперь у нас есть конкретная группа.

— Шесть человек, которые были возле аварии раньше официального свидетеля и скрыли это.

— И один из них, возможно, исчез.

— Да.

— Сергей Дорохов?

Клим вспомнил брата погибшей.

Инженер систем безопасности.

Очевидный мотив.

Очевидные навыки.

Слишком очевидные.

— Пока ищем.

— Если он жив и находится в Москве, привезите его ко мне раньше, чем журналисты успеют придумать нам серий-

ного мстителя.

— Понял.

— И, Клим, ещё одно. Не позволяй Лосевой исчезнуть из-под наблюдения.

— Не позволю.

Квартира Кирилла Ярцева находилась в новом доме недалеко от Садового кольца.

Дверь действительно была закрыта.

Никаких следов взлома.

Внутри всё выглядело обычно.

Пиджак на спинке кресла.

Газета.

Ноутбук.

Чашка в раковине.

На кухонном столе — два стакана.

Один с водой.

Второй пустой.

Клим остановился в дверях.

Тот же образ.

Но теперь он смотрел на него иначе.

Не как на загадочный знак.

Как на повторяемое действие.

Кто-то создавал одинаковую сцену вокруг людей, связанных с аварией.

— Эксперты уже смотрят, — сказал сотрудник группы. — На первом есть отпечатки Ярцева. Второй чистый.

Клим молча кивнул.

Сиверцев подошёл к окну.

— Если продолжить простую версию, Ярцев четвёртый.

— Не обязательно мёртвый.

— Но третий исчезнувший из закрытого пространства.

Клим посмотрел на него.

— Не делай этого.

— Чего?

— Не превращай разные ситуации в одну только потому, что тебе нравится формулировка. Белова нашли мёртвым в запертой квартире. Ратова исчезла из гостиницы. Ярцева просто нет дома. Дверь могла быть закрыта им самим.

— Хорошо. Тогда у нас не три исчезновения. У нас три пары стаканов и один пропавший юрист.

— Уже точнее.

В кабинете Ярцева нашли телефон.

На столе.

Выключенный.

Клим включил.

Пароль.

Передал техникам.

— Значит, сообщения Анне могли отправляться не с этого аппарата.

— Через веб-сессию, — напомнил Сиверцев.

— Именно.

Клим открыл шкаф.

Костюмы.

Пальто.

На нижней полке пустое место.

— Чемодан?

Сотрудник группы ответил:

— Большой стоит в кладовке. Маленького дорожного нет.

— Паспорт?

Не нашли.

Это меняло ситуацию.

Ярцев мог уехать добровольно.

— Проверяйте аэропорты, вокзалы, пограничные базы, банковские операции. И камеры дома с вчерашнего вечера.

Первую запись принесли через пятнадцать минут.

Ярцев вышел из дома в 19:42.

Сам.

В тёмном пальто.

С небольшой дорожной сумкой.

Сел в такси.

Никто не сопровождал.

Клим смотрел на экран.

— Значит, по крайней мере из квартиры он не исчез.

Сиверцев кивнул.

— Уже приятно.

— Куда поехал?

— Такси заказано до Белорусского вокзала.

— А дальше?

— Проверяем.

В 20:18 камера вокзала зафиксировала Ярцева у касс.

Потом ещё раз — возле кафе.

В 20:46 он вышел из здания.

Один.

Не сел в поезд.

Пошёл к площади.

После этого след терялся.

— Почему он приехал на вокзал с дорожной сумкой и не уехал? — спросил Сиверцев.

Клим посмотрел на кадр.

— Может быть, встречался с кем-то.

— Или хотел, чтобы выглядело так, будто уезжает.

— Тоже возможно.

Телефон Сиверцева зазвонил.

Артём выслушал, потом посмотрел на Клима.

— Нашли Сергея Дорохова.

Клим мгновенно собрался.

— Где?

— Вот здесь начинается странное.

— Артём, нормальной фразой.

Сиверцев медленно убрал телефон.

— Он ни от кого не скрывается. Последние восемь месяцев живёт в Ярославле под своим именем и работает инженером в охранной компании.

Клим нахмурился.

— Почему его не нашли сразу?

— Старые московские базы. Он сменил регистрацию. Телефон новый, официального запроса раньше никто не делал.

— С ним связались?

— Да.

— Реакция?

— Сказал, что завтра утром готов приехать.

Клим посмотрел на него.

— Завтра?

— Он сейчас на объекте за городом. Обещает быть к десяти.

Слишком просто.

Человек, который ещё несколько часов назад идеально подходил на роль мстителя, спокойно отвечал полиции и обещал приехать.

— Проверь, действительно ли он там.

— Уже.

Через десять минут пришло подтверждение.

Камеры охранной компании показывали Сергея Дорохова на объекте в Ярославской области вчера вечером.

Сегодня утром.

Днём.

В момент смерти Ратовой он находился почти в трёхстах километрах от Москвы.

Причём не один.

Клим смотрел на временные отметки.

Сиверцев стоял рядом.

— Ну вот. А мы уже почти выбрали убийцу.

— Мы не выбрали.

— Ты выбрал процентов на сорок.

Клим усмехнулся.

— На тридцать.

— Ладно. На тридцать пять.

Но внутри было не смешно.

Версия действительно была красивой.

Брат погибшей.

Мотив.

Системы безопасности.

Скрытая подготовка.

Он почти начал собирать вокруг Сергея Дорохова всё дело.

И всего один нормальный факт разбил половину конструкции.

Клим вспомнил Веденина.

Попробуй доказать, что твоя версия неверна.

Впервые совет сработал не как красивая фраза.

А как инструмент.

Телефон завибрировал.

Сообщение от технической группы.

Клим открыл.

Удалось восстановить последнюю активность компьютера Ярцева.

В 20:57 — через одиннадцать минут после того, как камера зафиксировала его выход с Белорусского вокзала, — кто-то вошёл в его мессенджер с нового устройства.

В 21:03 с этого аккаунта было отправлено первое сообщение Анне Лосевой.

Клим перечитал время.

Ярцев в этот момент мог находиться где угодно.

И никто пока не мог доказать, что писал именно он.

Сиверцев прочитал через плечо.

— Значит, встречу ей мог назначить другой человек.

— Да.

— Тот же, кто прислал фотографию тебе.

— Возможно.

— И если Ярцев сам не писал...

Клим посмотрел на два стакана на столе.

— Тогда Ярцев не обязательно следующая жертва.

— А кто?

Клим медленно покачал головой.

— Вот теперь хороший вопрос.

За окном прошла машина.

На секунду по потолку скользнули фары.

Клим смотрел на пустую квартиру Кирилла Ярцева и впервые ясно понял одну неприятную вещь.

Они нашли группу. Нашли старое событие. Нашли возможный мотив.

Нашли даже человека, который идеально подходил на

роль мстителя.

И всё равно не приблизились к тому, кто действительно управлял происходящим.

Неизвестный просто позволил им увидеть ещё один кусок. А потом снова исчез.

Но теперь Клим знал хотя бы одно.

Семь лет назад возле умирающей девушки стояли шестеро людей.

Двое из них уже были мертвы. Одна едва не погибла сегодня. Четвёртый исчез.

И если эта последовательность продолжалась, времени на ошибочную версию у него оставалось всё меньше.

ГЛАВА V

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН БЫЛ МСТИТЬ

Клим вернулся домой в половине четвёртого утра и обнаружил, что квартира за время его отсутствия ничуть по нему не скучала.

На кухонном столе всё так же стояла вчерашняя кружка. На спинке стула висела рубашка. В холодильнике нашлись сыр, половина лимона и контейнер, содержимое которого он предпочёл не идентифицировать.

Он открыл холодильник ещё раз, словно за прошедшие три секунды внутри мог появиться нормальный ужин.

Не появился.

Клим достал сыр, отрезал два куска и съел стоя.

Потом посмотрел на часы.

03:34.

До встречи с Сергеем Дороховым оставалось меньше семи часов.

Ложиться было бессмысленно.

И всё-таки он лёг.

Проснулся в 07:12 от запаха дыма.

Клим мгновенно сел.

Первые две секунды сердце билось настолько быстро, что он успел представить короткое замыкание, горящую кухню и пожарных, которые с утра будут объяснять следователю, почему нельзя оставлять включённую плиту.

Потом понял, что дыма в квартире нет.

Запах шёл от телефона.

Точнее, от голосового сообщения матери, которое он включил случайно, задев экран рукой.

В динамике звучал голос отца:

«Скажи ему, яблоня лучше ольхи».

Потом мать:

«Клим, это папа про коптильню. Он считает, что тебе обязательно нужно знать».

Клим закрыл глаза.

Несколько секунд сидел молча.

Потом рассмеялся.

Это было первое нормальное человеческое чувство за последние двое суток.

Он перезвонил.

Мать ответила почти сразу.

— Ты уже проснулся?

— Благодаря папиной древесине.

— Я же говорила ему не записывать тебе это с утра.

Где-то вдалеке отец сказал:

— Почему с утра? Я вчера записал.

Клим улыбнулся.

— Передай ему, что человечество благодарно за исследования.

— Он слышит.

— Тем лучше.

Мать ненадолго замолчала.

— У тебя всё нормально?

Клим посмотрел на тёмное окно.

— Работа сложная.

— Я не спрашиваю про работу.

Он понял.

— Со мной нормально.

— Ты звучишь уставшим.

— Потому что почти не спал.

— Тогда хотя бы поешь.

— Это уже становится семейным девизом.

— Потому что другого способа заставить тебя заботиться

о себе мы пока не придумали.

Клим посмотрел на часы.

— В воскресенье приеду. И даже попробую мясо, если отец к этому времени не сожжёт гараж.

Издали снова донеслось:

— Температура под контролем!

Клим усмехнулся.

— Вот теперь мне совсем спокойно.

После звонка он всё-таки приготовил яичницу.

Получилось посредственно.

Но горячая еда неожиданно вернула ощущение, что мир состоит не только из трупов, двух стаканов и времени 21:16.

В управление он приехал к девяти.

Сиверцев уже сидел за столом и смотрел сразу в два монитора.

— Ты выглядишь подозрительно бодро.

— Завтракал.

Артём поднял голову.

— Добровольно?

— Под давлением семьи.

— Тогда всё нормально. Я уже решил, что дело повредило тебе психику.

Клим снял куртку.

— Что по Ярцеву?

— Ночь прошла без чудес. Банковские карты молчат. Телефон лежит в квартире. Паспорт с ним. Камеры после Бе-

лорусского вокзала пока ничего не дали.

— Такси до вокзала?

— Водитель подтвердил, что Ярцев ехал один. Был нервный, дважды проверял телефон, хотя аппарат почти не звонил. Разговаривать не хотел.

— Что-нибудь говорил?

— Только попросил высадить у бокового входа.

— Сумка?

— Маленькая дорожная.

Клим открыл материалы.

— Значит, либо собирался уехать, либо хотел создать такое впечатление.

— Есть ещё интересная деталь. Билет заранее не покупал.

— Наличными в кассе?

— По камере у кассы стоял, но ничего не приобрёл.

Клим задумался.

— Тогда зачем вокзал?

— Возможно, встреча.

— Или проверка, следят ли за ним.

Сиверцев посмотрел на него.

— Ты заметил, что теперь практически любое действие человека у нас имеет минимум два объяснения?

— Это лучше, чем одно неправильное.

В дверь постучали.

Марина Вершинина вошла с папкой.

— Я подняла всё, что смогла найти по шестёрке.

Клим жестом пригласил её сесть.

— Начнём с тех, кто жив и доступен.

— Денис Вересов сейчас руководит небольшой строительной компанией. Москва. Женат, двое детей. Вчера находился на деловом ужине, потом дома.

— Проверили?

— Камеры ресторана и двора подтверждают.

— Виктор Нестеров?

— Инженер. После того проекта ушёл из строительства, сейчас работает техническим директором логистической фирмы. Живёт в Подмосковье.

— Связи между ними сохранились?

— Вот это интересно. Формально почти никакой. Но за последние три недели Ярцев дважды звонил Вересову и один раз Нестерову. Разговоры короткие.

— Анне?

— Мы уже знаем про переписку. Ратова и Белов встретились лично. Получается, примерно за месяц группа начала снова осторожно контактировать.

Клим посмотрел на доску.

— После писем.

— Скорее всего.

— Есть подтверждение, что Вересов и Нестеров тоже их получили?

— Пока нет.

— Сегодня поговорим с обоими.

Марина открыла другую страницу.

— И ещё я нашла старые жалобы Сергея Дорохова.

Клим сел внимательнее.

— Что там?

— Он не просто требовал найти водителя. Несколько лет он буквально восстанавливал последние часы жизни сестры. Собирал записи, разговаривал с врачами, строителями, жильцами района.

— Имена шестерых нашёл?

Марина покачала головой.

— В официальных жалобах их нет. Но есть одна фраза, которую он повторял несколько раз: «На месте аварии были люди, которых следствие не установило».

Сиверцев перестал печатать.

— Значит, он знал.

— По крайней мере подозревал.

Клим взял копию.

— Откуда?

— Он ссылался на слова первого официального свидетеля, Корнева. Тот говорил, что, когда подошёл к Елене, возле стройки видел несколько уходящих людей.

— В основном протоколе этого нет.

— В основном нет. Но есть дополнительное объяснение, составленное через две недели. Корнев сказал, что видел двух мужчин и женщину у ворот стройки. Потом от своих слов частично отказался, потому что не был уверен.

Клим медленно отложил лист.

— Значит, Дорохов много лет знал, что рядом с сестрой были люди, которых никто не опросил.

— Да.

Сиверцев посмотрел на часы.

— И через сорок минут этот человек сам придёт к нам.

Сергей Дорохов пришёл в 09:56.

Не опоздал.

Не пытался приехать раньше.

Клим увидел его через стекло коридора.

Среднего роста, худой, короткие русые волосы, тёмная куртка. Ничего угрожающего.

Он выглядел не как человек, который семь лет готовил месть.

Скорее как инженер, которого выдернули с объекта посреди рабочей недели.

Сиверцев тихо сказал:

— Иногда я ненавижу внешность.

— Почему?

— Слишком ничего не говорит.

Клим посмотрел на него.

— А ты хотел плащ и нож?

— Хотя бы нервный тик.

Они провели Дорохова в обычный кабинет.

Клим сознательно не стал начинать с сестры.

— Спасибо, что приехали так быстро. Понимаю, что вам

пришлось менять планы.

Сергей сел.

— Когда полиция звонит и спрашивает о сестре, которая умерла семь лет назад, планы обычно перестают иметь значение.

Голос спокойный.

Не холодный.

Клим отметил.

— Вы уже знаете, почему мы вас вызвали?

— Мне сказали только, что речь о Елене.

— И вы не спросили больше?

— Спросил. Ваш сотрудник ответил, что подробности лучше обсудить лично.

Сиверцев чуть улыбнулся.

— Редкий случай, когда наши сотрудники всё сделали правильно.

Дорохов посмотрел на него без реакции.

Клим продолжил:

— За последние несколько дней умерли два человека, которые были связаны с событиями вечера, когда погибла ваша сестра.

Сергей не изменился в лице.

Только пальцы на столе медленно сжались.

— Кто?

— Антон Белов и Ольга Ратова.

Несколько секунд тишины.

— Белова я знаю.

— Лично?

— Один раз разговаривал.

— Когда?

— Через несколько месяцев после смерти Лены.

— О чём?

Сергей посмотрел на Клима.

— Я хотел понять, почему её не спасли.

— И что он ответил?

— Что травмы были слишком тяжёлыми и время поступления почти ничего не изменило бы.

— Вы ему поверили?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу, но не резко.

Дорохов продолжил:

— Потом я разговаривал с другим хирургом. Он сказал осторожнее. Если бы Лена попала на операционный стол раньше, шанс был. Небольшой, но был.

— Вы обвиняли Белова?

— Сначала да. Потом понял, что это слишком просто.

Клим заинтересовался.

— Почему?

Сергей посмотрел в сторону окна.

— Потому что Белов получил её уже почти через час после удара. Я хотел найти человека, который виноват, и долго назначал виноватым каждого, кто попадался по пути. Води-

теля. Скорую. Врачей. Полицию. Потом понял, что злость не делает версию правильной.

Клим вспомнил Веденина.

Поразительно знакомая мысль.

— А Ратова?

— Имя слышал.

— Откуда?

Сергей помолчал.

— Компания, где она работала, имела отношение к стройке.

— Вы с ней говорили?

— Нет.

— Пытались?

— Один раз написал официальное письмо. Мне ответил юридический отдел.

Клим наблюдал.

— Вы знали, что в тот вечер на стройке находились шесть человек?

Вот теперь реакция была.

Сергей посмотрел прямо на него.

— Значит, вы их нашли.

— Вы знали?

— Я знал, что люди были.

— Сколько?

— Точно не знал.

— Имена?

— Некоторые.

Сиверцев слегка изменил положение в кресле.

Клим спросил спокойно:

— Какие именно?

Сергей не торопился.

— Белов. Ратова. Ярцев.

— Откуда Ярцев?

— Он однажды ошибся.

— В чём?

— Ответил мне слишком быстро.

Клим нахмурился.

— Объясните.

Дорохов сложил руки.

— Через два года после смерти сестры я разослал письма всем компаниям, связанным со стройкой. Спрашивал, кто был на объекте в тот вечер. Большинство ответили стандартно: архивов нет, сведения отсутствуют, сотрудники не помнят. Ярцев позвонил сам.

— И что сказал?

— Что в момент аварии никого из представителей инвестора на стройке не было.

— Почему это показалось вам странным?

— Я не спрашивал про представителей инвестора. Я спрашивал вообще о сотрудниках и подрядчиках.

Клим почувствовал знакомое движение мысли.

— Значит, он ответил на вопрос, которого вы не задавали.

— Именно.

— Вы решили, что он знает больше.

— Да.

— И начали проверять его.

Сергей едва заметно улыбнулся.

— Вы бы не начали?

— Начал бы.

— Я тоже.

— Что нашли?

— Очень мало. Но понял, что несколько человек после аварии общались между собой чаще обычного.

— Кто?

— Ярцев. Ратова. Вересов. Иногда Нестеров.

Клим не показал реакции.

Четыре фамилии совпадали.

— Анну Лосеву вы знали?

— Нет.

— Сейчас имя вам что-нибудь говорит?

— Нет.

Клим посмотрел внимательнее.

Похоже на правду.

— Вы когда-нибудь отправляли кому-то из них письма без обратного адреса?

Сергей нахмурился.

— Нет.

— С текстом о времени?

— Не понимаю.

Клим достал копию письма Анны и положил перед ним.

«ВЫ ПОМНИТЕ, КОТОРЫЙ БЫЛ ЧАС?»

Сергей прочитал.

На лице впервые появилось нечто сильнее настороженности.

Он взял лист ближе.

— Когда это пришло?

— Около месяца назад одному из людей, бывших возле аварии.

— Другим тоже?

— Возможно.

Сергей вернул бумагу.

— Это не я.

— Мы пока не утверждаем обратного.

— Но именно поэтому вы меня вызвали.

Клим не стал изображать вежливую ложь.

— В том числе. У вас был мотив. Вы годами собирали сведения. Вы работаете с системами безопасности. В двух эпизодах есть вопросы к камерам, электронным замкам и удалённому доступу.

Сергей слушал спокойно.

— И у меня есть алиби на смерть Ратовой.

— Есть.

— Тогда почему я ещё здесь?

Клим чуть откинулся.

— Потому что алиби отвечает только на один вопрос. Нам нужно понять, кто мог использовать ваши материалы.

Сергей впервые по-настоящему насторожился.

— Какие материалы?

— Всё, что вы собирали о сестре.

Пауза.

Дорохов отвёл взгляд.

Вот это Клим заметил сразу.

— Вы вели архив?

Сергей ответил не сразу.

— Да.

— Где он?

— Не знаю.

Сиверцев посмотрел на Клима.

— Что значит «не знаю»?

Сергей перевёл взгляд на него.

— Именно то и значит. У меня был архив. Теперь его нет.

Клим почувствовал, как разговор наконец вышел на нужную глубину.

— Когда исчез?

— Примерно полгода назад.

— Почему вы не заявили?

— Потому что не считал это кражей.

— А чем считали?

— Сам виноват. При переезде часть коробок хранилась в старом гараже. Потом обнаружил, что одной нет.

— Что было внутри?

Сергей немного помолчал.

— Копии документов. Фотографии. Записи разговоров.

Имена людей, которых я проверял.

— Включая шестерых?

— Не всех. Я же сказал, что не знал полного списка.

— Что именно было по Белову?

— График дежурства. Медицинские документы сестры.

Несколько распечаток его публикаций.

— По Ратовой?

— Данные компании, старые отчёты.

— По Ярцеву?

— Его контакты с проектом. Копии корпоративных документов.

Клим спросил:

— Были сведения о том, что у Белова слабое сердце?

Сергей медленно поднял глаза.

— Были.

В комнате стало тихо.

— Откуда?

— Из открытых источников частично. Он несколько лет назад проходил лечение. Я проверял, не могло ли это влиять на его решения в ту ночь.

— В вашем архиве была информация о препаратах клиники?

— Нет.

— О маршрутах Ратовой?

— Нет.

— О системах доступа в доме Белова?

— Конечно нет.

Клим кивнул.

— Но у человека, который получил архив, появилась бы отправная точка.

— Если кто-то вообще его получил.

— Вы считаете, коробка потерялась?

Сергей долго молчал.

— Раньше считал.

— А сейчас?

Дорохов посмотрел на письмо.

— Сейчас уже не уверен.

Клим заметил, как изменилась его поза.

До этого Сергей защищался.

Теперь начал думать вместе с ними.

— Кто знал про архив?

— Несколько человек.

— Назовите.

— Моя бывшая жена. Друг, который помогал с переездом. Частный детектив, с которым я работал несколько лет назад.

— Имя детектива?

— Павел Рябинин.

— Он жив?

— Насколько знаю.

— Где работает?

— Тогда была небольшая фирма. Сейчас не общаемся.
Сиверцев записал.

Клим продолжил:

— Архив был только на бумаге?

— Нет. Часть материалов была на внешнем диске.

— Он тоже исчез?

— Да.

— Пароль?

— Был.

— Сложный?

Сергей криво улыбнулся.

— Для обычного человека — да. Для специалиста — нет.

— Вы сами специалист.

— Именно поэтому понимаю разницу.

Клим встал и подошёл к доске.

— Сергей, мне нужно, чтобы вы сейчас вспомнили всё, что казалось вам странным в расследовании гибели сестры. Не то, что уже есть в официальном деле. Именно то, что вам не удалось доказать.

Дорохов долго смотрел на фотографию Елены.

Клим специально не торопил.

— Было четыре минуты, — наконец сказал Сергей.

— Какие?

— Между моментом удара и первым вызовом, который я считал реальным.

Клим повернулся.

— В материалах вызов зарегистрирован в 21:18.

— Да. Но позже я нашёл запись с камеры магазина. Удар произошёл примерно в 21:14.

Клим нахмурился.

— Почему тогда у нас появляется 21:16?

— Потому что камера магазина спешила почти на две минуты.

— Вы это проверили?

— Да. Сравнивал с кассовыми чеками и другой камерой.

Клим подошёл ближе.

— Значит, фактическое время удара всё-таки около 21:16.

— Примерно.

— А вызов — 21:18.

— Да.

— Две минуты.

Сергей покачал головой.

— Не совсем. Самое странное произошло не до вызова.

— А когда?

— После.

Клим сел обратно.

— Расскажите.

Дорохов сцепил пальцы.

— Я восстановил путь скорой. Бригада приехала в 21:31. Но в документах есть несоответствие. Фельдшер позже гово-

рил, что Елену к их приезду уже переместили.

— Куда?

— С проезжей части ближе к забору.

— Это важно?

— При таких травмах могло быть важно. Я не врач, но потом консультировался. Неправильное перемещение могло усилить внутреннее кровотечение.

Клим вспомнил показания Анны.

Она этого не сказала.

— Кто её переместил?

— Вот этого я так и не узнал.

— Корнев?

— Он утверждал, что не трогал.

— Значит, кто-то из тех, кто был раньше.

— Скорее всего.

Клим медленно записал.

— Что ещё?

— Телефон сестры.

— Он был найден?

— Да. Разбитый. В нескольких метрах от неё.

— Что с ним?

— Последний исходящий вызов — 21:11.

— Кому?

— Номеру, который потом отключили через два дня.

— Владельца нашли?

— Нет.

— В деле это есть?

— Есть, но линию быстро закрыли. Сим-карта оформлена на чужие документы.

Клим почувствовал неприятное совпадение с сегодняшними одноразовыми номерами.

— Вы считали этот звонок связанным с аварией?

— Не знаю. Лена могла звонить кому угодно.

— Но вы проверяли.

— Конечно.

— И ничего?

— Почти ничего.

— Что значит «почти»?

Сергей посмотрел на него.

— Телефон в момент последнего звонка находился возле стройки.

— То есть она приехала туда до того, как её сбили?

— Похоже.

Вот это меняло многое.

Клим почувствовал, как старая версия — случайная девушка, случайно оказавшаяся рядом — начала рассыпаться.

— Почему она была возле стройки?

— Не знаю.

— Она имела отношение к проекту?

— Нет.

— Знала кого-то из шестерых?

— Я не нашёл.

— Но вы подозревали?

— Да.

Клим вспомнил слишком быстрый ответ Анны: «Мне она была незнакома».

Не «никому».

Мне.

— У вашей сестры были знакомые среди юристов, строителей, врачей?

— Насколько я знаю, нет.

— А личная жизнь?

Сергей замолчал.

— Был мужчина.

— Имя?

— Она не называла.

— Почему?

— Лена была упрямой. Сказала, что если отношения станут серьёзными, познакомит.

— Вы хоть что-нибудь о нём знали?

— Старше неё. Женат.

Клим и Сиверцев переглянулись.

— Насколько старше?

— Я не знаю. Лет на десять, может быть больше.

— Профессия?

— Она однажды сказала, что он связан со стройкой. Я тогда решил, что архитектор или инженер.

Клим почувствовал, как внутри стало холодно.

— Когда вы это узнали?

— Ещё при её жизни.

— Почему этого нет в ваших жалобах?

— Есть намёк. Но я не хотел превращать сестру в объект сплетен.

— Имя вы пытались установить?

— Несколько лет.

— И?

Сергей посмотрел на фотографию Елены.

— Я думал, что это Виктор Нестеров.

Вот теперь наступила настоящая тишина.

Клим не ожидал.

— Почему именно он?

— Возраст подходил. Профессия. Он работал на стройке.

Через месяц после смерти Лены резко перевёлся на другой объект, а ещё через полгода вообще ушёл из компании.

— Этого мало.

— Я знаю. Поэтому никогда не обвинял его публично.

— Вы встречались?

— Да.

— Что он сказал?

— Что никогда не видел мою сестру.

— Вы поверили?

— Нет.

— Почему?

Сергей медленно выдохнул.

— Потому что он сначала сказал: «Я не был с ней знаком». А через пять минут: «Я никогда с ней не встречался». Это разные формулировки.

Сиверцев покачал головой.

— Очень тонкое основание.

— Я и не говорю, что доказал.

Клим задумался.

Если Елена ехала к кому-то на стройку, авария могла быть не случайной встречей с местом.

Но пока это ничего не говорило о сегодняшних убийствах.

— Вы знали Дениса Вересова?

— Проверял.

— Почему?

— Он руководил подрядчиком и был на объекте вечером.

Клим сразу поднял взгляд.

— Вы знали, что он был там?

Сергей понял, что сказал больше, чем раньше.

— Предполагал.

— На чём основано?

— У меня была фотография.

— Какая?

— С камеры бензоколонки в двух кварталах. Его машина проехала в сторону стройки примерно в восемь вечера.

— И вы решили, что он остался до аварии.

— Не решил. Допустил.

Клим наклонился вперёд.

— Эта фотография была в пропавшем архиве?

— Да.

— Материалы по Нестерову тоже?

— Да.

— Информация о Белове, Ратовой, Ярцеве?

— Да.

Теперь конструкция становилась опасно понятной.

У кого-то мог оказаться готовый многолетний архив по людям, связанным с аварией.

Не полный.

Но достаточный, чтобы начать.

Клим спросил:

— Когда вы последний раз видели коробку?

— Перед переездом из Москвы. Потом уехал в Ярославль.

Через несколько месяцев приехал за вещами и понял, что её нет.

— Замок гаража был повреждён?

— Нет.

— У кого были ключи?

— У меня и у хозяина бокса.

— Имя хозяина?

Сергей назвал.

Сиверцев записал.

Клим посмотрел на Дорохова.

— Почему вы прекратили расследование?

Сергей усмехнулся без радости.

— Потому что в какой-то момент понял, что перестал жить своей жизнью.

Он говорил медленно.

— Семь лет я просыпался с мыслью о том, что должен найти водителя. Потом — что должен доказать ошибку врачей. Потом — что кто-то что-то скрыл. Каждая новая бумага казалась дверью. За дверью была ещё одна. Потом ещё одна. Я потерял работу, развёлся, почти перестал общаться с родителями до их смерти. В какой-то момент я понял простую вещь: если продолжу, Лена всё равно не вернётся, а я исчезну вместе с ней.

Клим слушал.

В голосе Сергея не было красивой скорби.

Только усталость.

— И вы остановились.

— Не сразу. Но да.

— Кто-то мог решить, что вы предали память сестры?

Дорохов посмотрел на него.

— Возможно.

— Кто?

— Те, кто видел меня тогда.

— Частный детектив?

— Может быть.

— Друзья?

— Я почти ни с кем это не обсуждал.

— Бывшая жена?

— Она наоборот хотела, чтобы я бросил.

Клим встал.

— Нам понадобится доступ к вашему старому компьютеру, переписке и всему, что сохранилось от архива.

— Берите.

— И пока лучше не возвращайтесь один в Ярославль.

Сергей нахмурился.

— Вы думаете, я тоже в списке?

— Пока я думаю, что неизвестный использует события, связанные с вашей сестрой. А значит, мы не знаем, кем он считает вас: источником, помехой или частью этой истории.

Сергей посмотрел на него.

— Вы сказали «неизвестный». Значит, в мою вину вы уже не верите?

Клим ответил честно:

— Ваше алиби делает версию намного слабее. Но я не привык освобождать человека от подозрений только потому, что он мне понравился.

На лице Дорохова впервые появилась настоящая улыбка.

— А я вам понравился?

— Не настолько, чтобы рисковать карьерой.

После разговора Сергей остался в соседнем кабинете оформлять согласие на доступ к данным.

Клим вышел в коридор.

Сиверцев последовал за ним.

— Ну что?

Клим посмотрел на него.

— Он либо очень хороший актёр, либо действительно остановился несколько лет назад.

— А архив?

— Вот он мне нравится гораздо меньше.

— Потому что слишком удобно исчез.

— Потому что исчез именно набор материалов, который мог дать кому-то готовый список для проверки.

Сиверцев прислонился к стене.

— И Нестеров.

— Да.

— Женатый мужчина старше Елены. Инженер. Стройка.

— Пока это только версия Дорохова.

— Которую ты уже хочешь проверить.

— Конечно.

— Значит, едем?

Клим посмотрел на часы.

11:34.

— Сначала Вересов. Потом Нестеров. Но без предупреждения.

— Почему в таком порядке?

— Анна почти назвала Вересова человеком, который предложил всем молчать.

— Ты уверен?

— Нет. Именно поэтому сначала поговорим.

Денис Вересов работал в офисе на юго-западе Москвы.

Компания занимала два этажа в новом бизнес-центре.

На ресепшене Климу сообщили, что Денис Андреевич проводит совещание и сможет принять их через час.

Сиверцев показал удостоверение.

— Боюсь, совещанию придётся научиться принимать решения без него.

Через пять минут Вересов вошёл в переговорную.

Пятьдесят два года.

Крупный.

Седина на висках.

Дорогой костюм.

Он выглядел раздражённым, но не испуганным.

— Мне сказали, вы по поводу старого проекта. Я правильно понял?

Клим отметил.

Они ещё не успели назвать проект.

— А почему вы решили, что старого?

Вересов замер лишь на долю секунды.

— Потому что полиция редко приходит ко мне без предупреждения по текущим делам.

— Мы расследуем смерть Антона Белова и Ольги Ратовой.

Раздражение исчезло.

Вересов медленно сел.

— Ольга тоже умерла?

— Вы знали о Белове?

— Видел новость.

— А о Ратовой?

— Нет.

— Когда вы последний раз с ней разговаривали?

— Лет пять назад.

Клим положил на стол распечатку звонков.

— Три недели назад с вашего телефона был короткий звонок Кириллу Ярцеву.

Вересов посмотрел.

— Это не Ратова.

— Я и не сказал, что Ратова.

Тот понял ошибку.

Сиверцев молча наблюдал.

Клим продолжил:

— Почему вы звонили Ярцеву?

— По старому делу.

— По какому именно?

Вересов раздражённо провёл ладонью по столу.

— Несколько недель назад мне пришло письмо. Без обратного адреса. Внутри одна фраза.

— Про время?

Теперь он посмотрел резко.

— Значит, не только мне.

— Что вы сделали?

— Позвонил Ярцеву. Он всегда занимался юридической частью того проекта. Хотел понять, не получил ли он такое

же.

— Получил?

— Да.

— Что сказал?

— Что это чья-то дурная шутка.

— Вы поверили?

— Хотел поверить.

— Почему именно ему позвонили?

Вересов долго молчал.

— Потому что семь лет назад он уже решал, что нам говорить полиции.

Клим почувствовал интерес.

— То есть не вы.

Вересов посмотрел на него.

— А кто сказал, что я?

— Никто. Я уточняю.

Он откинулся на спинку.

— Кирилл был юристом. Он сказал, что если мы сами объявим полиции о неофициальной встрече на стройке, начнут проверять документы, разрешения, финансирование. Проект окончательно закроют. А помочь девушке мы уже не можем.

— Она тогда ещё была жива.

Вересов замолчал.

— Мы не знали, насколько всё серьёзно.

Клим смотрел на него.

— Возле неё находился врач.

— Белов сказал, что нужна скорая.

— Кто вызвал?

— Не помню.

— Никто из вас.

Вересов отвёл глаза.

— Возможно.

— И девушку кто-то переместил с дороги.

Тот резко посмотрел.

— Кто вам сказал?

Вот оно.

Клим не ответил.

— Значит, вы помните.

Вересов сжал челюсть.

— Она лежала почти посередине полосы. Машины могли попасть на неё ещё раз.

— Кто перенёс?

— Нестеров и Белов.

Клим почувствовал, как имя вновь возникло.

— Вместе?

— Да.

— Ратова участвовала?

— Нет. Она была в истерике.

— Почему?

Вересов нахмурился.

— Потому что перед нами лежал человек, которого только

что сбила машина. Как вы думаете?

Клим не принял раздражение.

— Вы уверены, что только поэтому?

Вересов посмотрел на него долго.

— Я не понимаю, к чему вы ведёте.

— Я тоже пока не понимаю.

Клим сменил направление.

— Елена Дорохова кого-нибудь из вас знала?

— Нет.

Слишком уверенно.

— Даже Нестерова?

На этот раз пауза была.

Очень короткая.

Но Клим увидел.

— Почему вы спрашиваете про Виктора?

— Потому что я хочу услышать ответ.

Вересов медленно произнёс:

— Насколько мне известно, они не были знакомы.

— «Насколько вам известно» звучит уже иначе.

— Потому что я не могу отвечать за чужую личную жизнь.

Клим кивнул.

Вот теперь стало интереснее.

— Где сейчас Нестеров?

— Понятия не имею.

— Вы не общаетесь?

— Несколько лет.

— После письма не звонили?

— Нет.

— Почему?

Вересов посмотрел на стол.

— Потому что он был единственным, кто после аварии хотел пойти в полицию.

Клим замер.

— Нестеров хотел рассказать?

— Да.

— И кто его остановил?

— Все.

— Включая вас?

Вересов медленно кивнул.

— Включая меня.

— Почему он передумал?

— Ярцев убедил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.